

МАРИЯ
ЗАЙЦЕВА

ВОЛЧИИ
ИНТЕРЕС

Мария Зайцева
Волчий интерес
Серия «Мир драконов, людей
и других тварей», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69296278

Аннотация

Каждую ночь ко мне приходит Волк императора.
Он трогает мои волосы, гладит дрожащие губы, смотрит в широко распахнутые в испуге и предвкушении глаза.
Берет мое тело.
Каждое утро я надеюсь, что это всего лишь сон.
Страшный, невозможный, горяче-тягучий, наполненный греховным, стыдным удовольствием сон.
Но это не сон... Это – моя реальность теперь.
И как я так умудрилась?..

Содержание

Часть 1	4
Пролог. Волк императора	4
Глава 1	14
Глава 2	24
Глава 3	32
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	52
Глава 7	58
Глава 8	64
Глава 9	69
Глава 10	74
Глава 11	80
Глава 12	87
Часть 2	95
Глава 13. Иллария, принцесса Севера	95
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Мария Зайцева

Волчий интерес

Часть 1

Пролог. Волк императора

– Ло-о-о-ордик! Пришел, лордик! Давно тебя не видно было! Где шлялся?

Голос Бесноватого Эда с легкостью перекрывает шум таверны, а это очень даже непросто, могу я вам сказать.

Все, как по команде, тут же замолкают и принимаются пялиться на меня.

Кто с удивлением, это явно новички, не знающие меня в лицо, кто с равнодушием, это местные пропойцы, которым нечего опасаться Волка императора, кто с радостью, это опытные, знающие, что если я тут, то веселье будет до утра, а то и больше.

Есть еще те, кто смотрит со злобой и ненавистью, и процент таких взглядов с каждым годом увеличивается. Этим Волк императора или прищемил хвост когда-то, или вот-вот прищемит...

Привычно отслеживаю все взгляды и движения, усмеха-

юсь, прохожу к барной стойке, по пути кивая знакомым, кое с кем даже рукопожимаясь.

Бесноватый Эд, которому прозвище подходит как нельзя более уместно, широко скалится остатками зубов и ставит на стойку привычный мне бокал с местным разливным неразбавленным.

Делаю глоток, морщась от запаха пойла. Да, неразбавленное, это точно...

Горло продирает на раз.

– Пожрать? – радушно предлагает Эд, но я отказываюсь. Местной жратвы даже мой желудок не выдерживает.

Эд кивает, наклоняется, кивает на дальний столик:

– Там тебя спрашивали.

Не смотрю в указанном направлении, а поворачиваюсь полностью к Эду, вопросительно поднимаю бровь. Тот понимает, разводит волосатыми лапами:

– Не знаю, откуда узнали! Вот честно, Лорд, не знаю! Ты же приходишь, когда хочешь... Никто не отследит время! А они пришли, спросили... Я сказал, что бываешь... Ты же не велел другое говорить... И я молчу...

Насчет молчания Эд, конечно, очень сильно преувеличивает, но вот что касается моей персоны, тут не врет. В самом деле молчит, лишнего не болтая. Своя-то шкура дорога. А про меня самые интересные слухи ходят. В том числе насчет виртуозности сдирания этих самых шкур с этих самых болтунов...

Продолжаю пить мерзотное, но отлично прочищающее мозги пойло, наблюдаю за резво обслуживающим народ Эдом. И ощущаю спиной внимательный взгляд... Он очень выделяется из всех прочих, такой... надменно-заинтересованный. Так смотрят на мерзкую, но занятную букашку. Изучают, как половчее оторвать ей крылышки...

Ну, насчет оторвать они погорячились, конечно. Как и насчет крыльев, собственно, тоже. Крылатый у нас в компании только Ассандр, но ему тоже не оторвешь. Хотел бы я посмотреть на того, кто решится рвать крылья огромному дракону с дурной привычкой жечь все подряд при малейшей опасности, или просто плохом настроении. А у Асси, как его называет третий мой названный брат по крови, душка Карс, хорошее настроение бывает так часто, как теплый ветерок в северной ледяной пустыне...

Хотя, в последнее время все поменялось... Но это только потому, что Асси у нас неожиданно для всех, и для себя тоже, нашел себе жену. А жены – это такая вещь, которая делает мягче и дурнее самого жесткого и умного мужчину... И дракона... И даже такое чудище лесное, как Карс...

А вот меня, волчьего выкормыша, ничего не сделает мягче и уж тем более дурнее. Просто потому, что я не собираюсь жениться. Никогда. Ни за что. Вообще. А почему?..

– Лордик! – тут же, ответом на мои внутренние размышления, звучит нежный голосок Рути, местной подавальщицы. Она на мгновение прижимается ко мне самым выдаю-

щимся своим достоинством, облизывает губы, – лордик... Так рада тебе... – голос становится низким, грудным, влекущим, а глаза подергиваются поволокой, – останешься?

Вот потому и не женюсь никогда... Зачем? Мне и так хорошо.

Я усмехаюсь, шлепаю Рути по щедро оснащенному заду, киваю. Конечно, останусь. Не попрусь же на ночь глядя искать приключений... Не то настроение, знаете ли...

Слишком долго мотался по южным пустошам, вылавливая для брата моего названного, императора Анджеера, всякие интересные слухи, сплетни и домыслы. Которые вообще не слухи, не сплетни и не домыслы... Но знаем об этом только я и Ежи...

Провожая взглядом Рути и мельком отмечаю, что из угла, где, как говорил Эд, сидят люди, спрашивавшие обо мне, внимательно следят за моими действиями.

Двое мужчин. Прикрываю веки, настраиваясь на них... Ого... Как интересно!

Не мужчины, значит...

От них пахнет лекарствами, причем, от одной – очень сильно, и болезнью. Застарелой и неизлечимой.

А от второй – лекарственный запах перемешивается с тонкой нотой железа и моря. Как интересно...

Вот только смотрят, конечно, как на таракана...

Ну что, уважим леди?

Встаю, отвечаю прямо на внимательный взгляд, чуть на-

клоняю голову в приветствии.

И дожидаясь ответного кивка.

Подхожу, подтаскиваю стул, сажусь.

Женщины, переодетые мужчинами. Одна пожилая. Вторая молодая. От пожилой пахнет скорой смертью. От молодой – отчаянием и свежестью. Интересное сочетание.

– Что ищут здесь высокородные леди? – негромко спрашиваю я, оскаливаясь в приветливой улыбке. Вежливость – наше все, определено.

Глаза молодой расширяются в изумлении, рот приоткрывается, и я невольно отмечаю свежесть пухлых губ. Красивая. Очень. Правильно переоделась мужиком, такой нежной девочке не стоит бывать в местах, подобных этому...

– Да, про вас говорили правду... – задумчиво скрипит старуха, оглядывая меня блеклыми глазами.

– Кто говорил, миледи? – вежливо приподнимаю я бровь. И меня сейчас в самом деле этот вопрос интересует, потому что рекомендации – вещь такая... Занимательная. И хочется очень заняться тем, кто считает, что имеет право рекомендовать меня...

– Дон Сордо, – коротко отвечает старуха, и я изо всех принимаюсь заниматься несвойственным для себя делом: маскировкой эмоций. Несвойственным, потому что обычно ради этого не стоит трудиться, меня мало что может вызвать на эмоции.

Но вот сейчас...

Дон пропал пять лет назад, при обстоятельствах странных и печальных... Мы искали, правда искали. Названный брат, один из нас... Но не нашли. Его дом стоял пустым, соседи в один голос уверяли, что ничего подозрительного не видели...

Мне не удалось ничего выяснить. Мне. Мне!

После начались покушения на Ежи и очень даже интересные, с выдумкой, можно сказать! Такое мог придумать только человек, хорошо его знающий. И в этом свете исчезновение Дона выглядело совсем уж неприятно...

А, учитывая, что нам за пять лет так и не удалось ничего найти, то более чем неприятно... Все же, названный брат... Кровная магическая клятва – это вам не кот в тапки нассал... Ее не обойдешь. Да и вообще... Как-то странно... Чего ему не хватало? Нет, ну если чего-то не хватало, можно же попросить у Ежи! Он даст!

Но Дон ничего не просил никогда. Никто из нас не просил, если честно... Братья по крови с императором, мы и нрава были одинакового, не зря же так подобрались хорошо, обте-сались друг о друга...

Дон был одним из нас. Пока не пропал бесследно, оставив после себя море вопросов и сомнений...

И вот теперь эта старуха так легко упоминает его имя!

– Вот как? – скалюсь я, надеясь, что глаза не блестят слишком алчно, – а почему сам Сордо не пришел? Я бы с ними поговорил... Немного...

– Он мертв, – сухо сообщает старуха, поджимает морщинистые губы, и от меня не укрывается эта внезапная дрожь. Она к нему определенно относилась не равнодушно. Не знаю, со знаком плюс или минус, но явно не равно.

– Как он умер? – вырывается у меня вопрос. Умер, все-таки...

– Во сне, – коротко отвечает старуха, а девочка издает какой-то непонятный звук, то ли удивления, то ли раздражения.

Я мысленно отмечаю это для себя.

Во сне... Ну конечно... Рубака Дон во сне умер... Очень смешно. Обхохочешься...

– И что же говорил про меня Дон? – решаю я уточнить.

– Говорил, что вы можете... Можете кое-что найти. Коекого.

– Все, что угодно можете найти здесь, в столице, – вмешивается девочка, повышая голос.

А я смотрю теперь только на нее.

Внимательно смотрю, изучающе, отдавая себе отчет полностью в том, насколько бесцеремонен мой взгляд.

Девочка прикусывает пухлую губку и краснеет. Мило так, нежно... Интересно.

Ощущаю, как внутри приподнимает пушистые уши волк. Ему определенно нравится смущение этой самочки. Вкусное смущение.

– Могу, – ласково улыбаюсь ей. Только ей. Подмигиваю. –

Но все имеет свою цену...

– У нас есть деньги, – фыркает презрительно девочка, и в этом фырке, а еще в надменном повороте головы и холодном взгляде сходу читается потомственная аристократка, в сотом поколении. Такие рядом с дворовыми псами даже стоять брезгают...

Да и я обычно таких... обхожу.

Но вот сейчас...

Показательно не замечаю ни взглядов, ни жестов, радостно изображаю полного дебила, прохожусь по ней похотливым взглядом.

– Мне не нужны деньги, леди, – говорю я, – вам разве Дон не рассказывал ничего обо мне?

– Прекратите, – скрипит раздраженно старуха, – это глупо.

– Глупо – это когда две женщины переодеваются в мужскую одежду и приходят в самое паршивое место во всем нижнем городе, – грубо отбрываю я ее, – еще глупее, когда эти женщины решают, какой ценой будут платить за услуги такого, как я.

Старуха открывает рот, чтоб сказать явно что-то неприятное, но девочка ее перебивает:

– Подожди, Мэсси, – смотрит на меня в упор, и холодный взгляд ее заставил бы ежиться кого послабее духом. Да уж, не только аристократка, а еще и ведьма, похоже... Но мне ее чары – смешная детская игрушка. Меня ничем не проймешь.

Потому просто поощрительно скажусь, показывая, что внимательно слушаю, – что вы хотите?

– Я хочу аристократку в постель, – усмехаюсь я. – Тебя, милая.

Это я добавляю на всякий случай, чтоб не было путаницы. А то кто этих аристократок знает, решат, что мне любая подходит... А мне не любая. Переборчивый я. Иногда.

Девочка бледнеет, спрашивает с надеждой:

– Шутите?

– Да ни в жизнь! – смеюсь уже откровенно я, – всегда мечтал вот такую девочку по кровати повалить. Соглашайся. Найду все, что захочешь!

И подмигиваю. Как можно пошлее.

Это переполняет чашу терпения старухи, она резко вскакивает и, шипя раздраженно:

– Уходим, Лари, – рывком поднимает свою подопечную со стула.

Та встает, молча, темнея надменно взглядом и натягивая пониже капюшон длинного плаща.

Я торможу, легко ловя за руку:

– Если передумаешь, милашка, спросишь обо мне у трактирщика.

Она резко выдергивает ладонь и торопливо идет следом за старухой.

Я машинально отмечаю, что походка их выдает с головой, смотрю по посетителям трактира, вдруг кто тоже наблюда-

тельный. Но все в порядке, никому дела нет до двух темных фигур, обряженных в одинаковые плащи пилигримов.

Они выходят прочь, а я подношу к носу пальцы той руки, которой касался только что нежной кожи девочки.

Втягиваю аромат...

Вкусно...

Сегодня я узнаю, где они остановились и кто они. Завтра буду владеть полной информацией про их дела здесь, в столице. И потом...

Потом мы будем разговаривать.

Уже по-другому.

Хотя... Эта милая шалость мне тоже понравилась. Девочка пахла свежестью, теплом и обещанием. Хорошая самочка...

В конце концов, у Волка тоже может быть свой интерес в этом деле...

Глава 1

– На колени, – приказываю сухо, Рути с готовностью падает передо мной на пол, протягивает руки к ремню штанов, и я благосклонно позволяю раздеть себя. А затем вообще сажусь на кровать и маню женщину ближе.

Она послушно ползет на коленях, мурлычет, разглядывая моего готового к сражению бойца, обхватывает его опытными губами.

А я прикрываю глаза, улетаю.

Кладу руку на затылок, стискиваю пальцы, направляя, задавая нужный ритм.

И представляя на месте подавальщицы ту аристократочку, что сегодня с негодующим фырканием отвергла мое щедрое, пусть и шутовское предложение.

Она бы как, интересно, брала?

С отвращением? С холодностью и выражением муки на лице? Или...

Я сильнее нажимаю на затылок, заставляя взять глубже, Рути задыхается и давится, но мне плевать. Это не ее я сейчас держу. Это я аристократочку обламываю. Убираю холодность и надменность с красивого личика.

Уверен, после ночи со мной она бы никогда не смогла так смотреть, как сегодня вечером.

С удивлением осознаю, что раздражен. И даже, можно

сказать, взбешен.

Рути колотит по запястью, опомнившись, отпускаю.

Откатывается, задыхаясь и кашляя.

– Ты что? Ты меня убить хочешь своим змеем?

Так...

Надо исправлять ситуацию, а то так немудрено вообще ничего не получить.

– Прости, милая, – улыбаюсь я, подтягивая женщину к себе ближе и мягко, успокаивающе поглаживая, – просто ты очень хороша в этом деле... Я не сдержался... Хочешь колечко?

– Да... – надув губы, отвечает она, уже успокаиваясь и опять опускаясь на колени, – золотое...

– Да, милая, да... – я рассеянно киваю, подталкивая ее ближе к себе, – золотое... Возьми его...

Ощущаю, как влажные губы обхватывают, и в голове тут же картинка: аристократка Лари на коленях. И ее пухлые свежие губы, красные и натруженные... Слезы на нежных щеках... Ох... Хорошо...

Утром, морщась от легкой боли в башке, мимолетно удивляюсь вчерашнему помутнению.

Вот на кой мне, спрашивается, аристократка? Никогда их не не хотел, не гнался.

При дворе моего названного брата, императора Ежи, их огромное количество. И многие готовы на все, чтоб заманить императорского Волка в свои покои.

И Волк, когда был помоложе и поглупей, еще в самом начале правления Ежи, с охотой заманивался.

Ох, сколько я этих покоев повидал! Сколько аристократок разной степени свежести перещупал! Было время, да...

Пока не пришло осознание, что нет никакой разницы между шлюхой с нижнего города и развращенной светской красоткой. Хотя нет, разница есть.

Шлюхи честнее.

Им заплатишь и никаких проблем и вопросов.

А эти дамочки из высшего света очень много хотят за свои раздвинутые ноги и помятое платье. Чересчур много. Думают, если я с ними сплю, значит, перед Ежи буду отстаивать интересы их многочисленной родни. Смешные.

И, самое главное, что мой интерес – это, вроде как, полноценная и достаточная плата... И раз я валяю высокородную леди по кровати, то должен быть благодарен и счастлив безмерно.

И это тоже смешно, потому что удовольствие что от шлюхи с нижнего, что от аристократки из дворца совершенно одинаковое.

Только цена разная.

А если результат одинаков, зачем платить больше?

Вопрос этот у меня разрешился уже давным давно, и потому сейчас собственная реакция на вчерашнюю надменную аристократку удивляет.

Надо, пожалуй, скорее выяснить, кто это такая. И потом

уже решать, что с этим всем делать. Ситуация-то интересная, конечно.

Сюда редко такие птички залетают...

Да и не помню я ее, не определил, откуда взялась, из чьих будет?

Пока размышляю, успеваю привести себя в порядок, переодеться и спуститься вниз, в таверну.

Рути, улыбаясь, ставит передо мной тарелку с тонко нарезанным мясом, единственным, что тут стоит жрать без боязни травануться, зеленью, лепешками и кувшином с водой.

Мой привычный завтрак.

Бесноватый Эд кивает, указывая на молчаливо ожидающих у дверей людей с неприметными рожами ребят из Тайной императорской канцелярии.

Не торопясь завтракаю, затем подзываю Рути, вкладываю ей в руку обещанное кольцо. Женщина, вспыхнув от радости, тянется поблагодарить, но я уворачиваюсь:

– Вечером, милая.

И иду к ожидающим меня ребятам.

Интересно, что понадобилось Ежи прямо с утра?

Да еще и такое, что телефоном не пожелал воспользоваться...

– Вас ожидают сегодня, – тихо говорит один из ребят в ответ на мой вопросительный взгляд, – по пятому протоколу.

Киваю, отпуская агентов, оглядываю пустой трактир.

Пятый протокол, значит...

Интересно...

Во дворце, как всегда, полно народу. Пятый протокол – это необходимость пройти незаметно.

В принципе, несложно, учитывая мои способности и мои знания.

Ежи сидит в своем рабочем кабинете, поворачивается на звук открываемой двери, морщится, видя меня без охраны.

– Вот зачем я их держу? – спрашивает в воздух, а я усмехаюсь, никак не комментируя свои способности проходить мимо стражи незаметно. – Утешает только то, что, кроме тебя, никто так не может, – ворчит мой названный брат, подходя ближе и приобнимая.

Мы виделись вчера днем, когда я с войны на бал, как говорится, прибыл с нарытыми сведениями по южным границам.

И, честно говоря, сегодняшняя встреча не по протоколу... Я планировал неделю гулять еще, погружаясь в привычный кумар нижнего города и отводя душу в знакомых удовольствиях. Но, чувствую шкурой, не судьба в этот раз...

Прохожу, наливаю себе вкуснейшего императорского вина, с удовольствием выпиваю.

Ежи отказывается от своего бокала, садится опять за рабочий стол, смотрит на меня внимательно. И взгляд такой... тяжелый. Ох, чует моя задница, озадачит меня Ежи чем-то занимательным!

– Ну что, говори уже, – поторапливаю его.

– Мне нужна услуга. В частном порядке.

– Ну, естественно, в частном...

– Не ерничай, Волк. Я знаю, что обещал тебе отдых, но дело касается моей матери...

А вот теперь слушаю внимательно.

Матушка Ежи, вдовствующая императрица Еухения, не просто уважаемая всеми женщина, вдова императора, мать императора, но и еще наша названная матушка, в свое время каждого из нас, бродячих псов, сумевшая обогреть и одарить любовью.

Лично для меня, волчьего выкормыша, в жизни не знавшего материнской ласки, она является воплощением всего самого чистого, светлого, доброго.

Если б ей потребовалось, чтоб я спустился под землю и добыл там древний камень анурак, я бы только спросил, какой размер камня она желает.

– Слушаю.

– У нее пропала вещь... – Ежи медлит, выдыхая, разжимая кулаки, и я только теперь понимаю, что он едва сдерживается, чтоб не начать крушить все вокруг. Все же, высочайшая выучка у членов императорской семьи... – Личная. Ее надо найти. И сделать это очень быстро. Как ты понимаешь, я не могу и не хочу привлекать никого стороннего... Вещь пропала сегодня. Стража просто не заметила ничего, понимаешь? Вот как с тобой сейчас.

Киваю.

Значит, отвод глаз.

Учитывая, что стража устойчива к любым видам чар, то это очень серьезно.

Я всегда считал, что такой один... А тут вдруг сюрприз... Опасный, очень опасный сюрприз.

– Мне надо будет с ней поговорить.

– Да, конечно... Волк... Это надо сделать быстро, понимаешь? Если зачарованную вещь так легко взяли... И если прошли через стражу... Волли клянется, что никакого воздействия не было. Понимаешь?

Киваю. Еще как понимаю... Глубина задницы растет очень быстро. Если императорский маг говорит, что видит воздействия, значит, что работал специалист сильнее императорского мага... Это требует отдельного осмысления и укладки в голове.

– Я не могу сейчас дернуть Ассандра, он мне нужен в Академии. А Карс не в городе.

Опять киваю. Про Асси я в курсе, про Карса нет, но вот теперь тоже знаю.

– Да и не помогут они, разве что Карса в покоях матушки посадить. А это не вариант...

Да, не вариант...

Ни Ассандр, наш черный дракон, ни Карс, наш бешеный леший, не являются следопытами. Они не способны становиться незаметной тенью, не способны проникать в самые узкие щели этого мира и выживать там.

Я способен. Это мой талант. Это моя работа.

– Найд... – Ежи смотрит на меня серьезно, – мне не на кого рассчитывать, кроме вас... Как всегда, чтоб его...

– Не волнуйся, Ежи, все решим. Я найду.

– Проси, что хочешь, ты знаешь же, что все дам?

– Знаю. И ты знаешь...

– Что не попросишь? – Ежи усмехается, чуть расслабляясь, – я иногда удивляюсь, что такого хорошего сделал в этой жизни, что заслужил таких братьев, как вы?

– Я задаюсь тем же вопросом, Ежи. Я-то явно ничего хорошего не сделал...

После разговора с матушкой Ежи, где поминутно выясняю ее утренний маршрут, со всеми остановками, разговорами и даже запомнившимися рожами придворных по пути, какое-то время провожу во дворце, активируя все имеющиеся связи. А у меня их, как у специального агента Тайной канцелярии императора, много, и самых разнообразных.

У матушки пропал зачарованный браслет.

Зачарованный как раз от кражи, что придает ситуации своеобразную, безумно интересную нотку. Кроме того, что он сам по себе дико дорогой, бесценный практически, фамильный, передающийся в семье матушки по наследству от матери к дочери или снохе, так он еще и обладает всеми положенными защитами: от кражи, от порчи, от случайной потери. И к тому же защищает его обладательницу от всех видов внешних воздействий.

И вот такая вещь пропала бесследно. Причем, матушка

не помнит, в какой момент он исчез. Вот только что был на руке – и нет.

За это утро она была в своем крыле дворца, потом в кабинете сына, в малой столовой зале, в оранжерее, в молельне.

Самое тонкое место тут – молельня, потому что находится за пределами дворца.

Но и все остальные места следует принять во внимание.

Короче говоря, до вечера я оказываюсь занятым по самые уши, волк внутри неистовствует, жаждет отомстить за оскорбление близкого существа, и это придает моим действиям особый привкус спланированного безумия.

Уже в сумерках нахожу вполне внятный след, ведущий за пределы дворца... Как это происходит, сам не понимаю, просто в какой-то момент подчиняюсь волку, рвущемуся с поводка.

След ведет в нижний город.

И во всем этом есть одно хорошее обстоятельство: кражу совершил чужой.

Случайный.

И как раз возле молельни, когда матушка покидала механическую повозку.

Теперь надо выяснить, кто сумел так качественно отвести глаза охране, снять неснимаемый браслет и смотаться непойманым... Очень, просто очень талантливый... гад. Найду и разорву на части.

Радуется, что это вряд ли злой умысел. Не указывает ниче-

го на такой расклад. Так что Ежи можно не волноваться за возможное покушение на матушку или на других членов его семьи.

Не тот вариант.

Но, конечно, я это еще неоднократно проверю. Когда поймаю этого талантливое гада.

Заряжаю своих щелкунов на поиск новых талантливых лиц в нижнем, потому что такая звезда явно не может сиять незаметно, и, успокоив Ежи промежуточными результатами расследования, возвращаюсь в трактир Бесноватого Эда.

Не предполагая, что мой интересный день еще очень далек от завершения.

Глава 2

Темная фигура рядом с окном, расположившаяся так, чтоб сразу исключить вариант засады, потому что слишком на виду, не двигается с места, когда захожу.

Интересно...

Втягиваю ноздрими запах гостя и ощущаю, как губы неконтролируемо разъезжаются в торжествующем оскале.

Так я и знал, что вчера была не последняя наша встреча.

Ну что, артистократочка, пришла раздвигать ноги перед беспородным псом? Отдавать свое тело за услугу.

А я возьму. Я не из благородных.

Но сначала поиграю. Почему нет? Не стоило смотреть на меня настолько свысока вчера...

Тут приходит в голову, что за всеми этими перипетиями с пропажей браслета, я не успел дать задание шелкунам по поводу своих вчерашних гостей, и потому сейчас слегка не успеваю за событиями.

Например, она здесь каким образом? Эд пустил? Сильно сомневаюсь, он меня знает... Значит, сама.

Нет, я не питаю иллюзий насчет надежности своего временного жилья, но все же не до такой степени, чтоб не думать о минимальной защите от всяких случайных гостей.

И потому очень интересно, с каких это пор тут проходной двор образовался. И сколько народу еще успело полазить...

Хотя, посторонних запахов не ощущаю, возможно, это разовая акция.

Будут, все же, вопросы к Эду.

Но сначала с аристократочкой.

– Доброго вечера, миледи, – вежливо здороваюсь я, закрывая дверь и погружая комнату в полнейшую темноту.

Не тороплюсь зажигать светильник, прохожу к кровати, изучая реакцию гостыи.

Я в темноте отлично вижу, мне свет не нужен.

А вот она... Она, судя по всему, не ожидала такого. Запах меняется, становясь чуть более насыщенным. Втягиваю аромат, скалюсь. Вкусная. Волнуется.

Хорошо, что не видит моей волчьей ухмылки. Не стоит пугать раньше времени. Успею еще.

– Не могу ответить взаимной любезностью, – сухо отвечает аристократочка.

Как интересно! С порога начинаем хамить. Забавный способ получать желаемое...

– Знаете, – я расстегиваю плащ, снимаю широкий пояс, удерживающий перевязь с оружием, прекрасно видя, как настораживается она, прислушиваясь к шуршанию одежды и не понимая, что именно я делаю, – у меня тоже вечер был так себе. До вашего появления.

Мы не гордые. Мы будем любезными. Пока что.

– Не могли бы вы зажечь свет? – не выдерживает она.

– Зачем? Мне все прекрасно видно, – усмехаюсь я, бро-

сая верхнюю одежду на кровать и оставаясь в темной рубаше и таких же темных штанах. Еще больше растворяясь в пространстве.

Аристократочка щелкает пальцами, но свет, естественно, не зажигается. А потому что не надо меня недооценивать до такой степени!

Я не маг, не колдун, во мне нет драконьей крови ни капли. Но пользоваться-то благами цивилизации умею. И уж глушилку на свое жильё способен поставить. А, учитывая, что делал ее Валли, главный имперский маг, то работает она долго и качественно.

Так что свет не зажигается, а я оказываюсь близко от аристократочки. Максимально близко.

– Не стоит хозяйничать в моем жильё, миледи, – хриплю ей на ушко, и тут же накрываю распахнутые в испуге губы ладонью. И вовремя! Аристократочка, судя по всему, не имеющая ни малейшего представления о том, кто я такой на самом деле, явно не ожидает подобной прыти и трепещет в моих руках, как лань в волчьих лапах. – Не дергайтесь, – с удовольствием обхватываю ее еще сильнее, полностью обездвиживая, – я не укушу.

Пока не укушу...

Тонкая белая шея с завлекательно бьющейся испуганной жилкой слишком близко, чтоб можно было долго перебарывать в себе зверя.

– Отпустите немедленно, – она замирает послушно, вытя-

гиваясь в струнку, в голосе тщательно скрывае^{мый} испуг, но уже понятно, что взяла себя в руки.

Вот чего не отнять у этих ледяных сучек, так это выучки. Выучки и выдержки.

Отпускаю, с сожалением убирая руки от гладкого, вкусно пахнущего тела. Ощущаю, как все внутри сжимается, волк скалится и рычит раздраженно, недовольный тем, что ему не дали вонзить клыки в близкую добычу.

Погоди, приятель, погоди... Все будет, но чуть позже. Сначала загонная охота... Тебе понравится.

– Говорите, что вы хотели, миледи, и уходите, – решаю ускорить процесс, а то эти танцы могут на полночи растянуться. А мне бы хотелось это время более интересно провести.

Она медлит, смотрит в мою сторону, безошибочно находя по звуку, но глаза слепые, растерянно расширяющиеся. И эта растерянность мне нравится.

Ничего. Ей полезно будет чуть-чуть дискомфорта...

– Я... Ах, чтоб вас... Да зажгите уже свет! Это неприлично, в конце концов!

– А вы приличная девушка, миледи? Это странно... Приличным девушкам тут делать нечего...

– Прекратите ерничать! Вы прекрасно понимаете, зачем я здесь.

Ну а то! Но тут главное – определенность...

– Не понимаю, миледи, – развлекаюсь я на полную, – я

же, как вы успели заметить, тупой бродяга с нижнего города. Откуда мне знать, что творится в головах у прекрасных приличных девушек? У меня отродясь таких знакомых не водилось...

– Ох... – она обхватывает себя ладонями, неожиданно беззащитным жестом, отворачивается к окну, но там такая же темень, как и в комнате.

Бесноватый Эд экономит на светильниках.

Я молчу, никак не облегчая ей задачу.

Пусть говорит сама. Пусть предлагает. А я послушаю...

– Я... Вы понимаете, мне очень нужно найти... И время дорого, понимаете? Он может быть где угодно...

– Я понимаю, миледи, а вот вы, похоже, нет, раз так долго идете к сути.

– Мне надо найти моего брата, – злобно чеканит аристократочка, гордо задирая подбородок, и я не могу отвести взгляда от нее в это мгновение. Хороша! Невозможно хороша! – Он... Пропал вчера утром. И унес с собой шкатулку с важными вещами.

– Что вам нужно найти в первую очередь, миледи? Вашего брата или ваши вещи?

– И то, и другое!

– Хорошо, миледи. Мне нужен задаток.

– Сколько?

– Миледи, вы страдаете провалами в памяти? Не помните, какими деньгами я беру?

Она закусывает пухлую губу, сжимает себя еще крепче, выдыхает.

И пробует еще раз.

– Послушайте... Но это же смешно, в конце концов... Мое... внимание – не та плата, которая вас устроит, поверьте... Я... провела всю жизнь в монастыре... Я не смогу ничем вас... Поразить... И, к тому же, никогда не поверю, что такому, как вы, предпочтительнее постельные утехи, а не звонкая монета...

– Звонкую монету я у кого угодно возьму, а вот аристократку в постель не каждый раз удастся поймать, – веселюсь я, – так что я осознаю все, что меня ждет... И другой платы не желаю.

Она молчит, сжимает себя, бледнеет, на глазах показываются слезы.

И если вы думаете, что мне ее жаль, то совершенно ничего про меня не знаете. Мне никого не жаль.

А уж сытую, красивую аристократочку, за всю жизнь вряд ли видевшую что-то плохое, тем более.

Мне даже не особенно интересно, что она тут забыла, что там за братишка у нее, такой шустрый, утащивший, наверняка, фамильные драгоценности, а, может, проигравший их уже. Обычная история.

И найду я его быстро.

Про Дона Сордо выпрошу попозже. Если старуха говорит, что он помер, то тут вообще торопиться некуда.

У меня был не самый простой день, да и месяц, если честно, так себе, так что сейчас самое время немного порадоваться жизни.

И потому я не собираюсь уступать и жалеть эту чистенькую девочку.

Пусть решается. Не убудет от нее. Разве что, чуть-чуть...

– Хорошо, – тихо, так, что даже с моим звериным слухом приходится напрягаться, говорит она, – после того, как вы найдете...

– Нет, – перебиваю ее, – я говорил о задатке. Ночь сегодня и неделя после того, как я найду вашего братишку и ваши цацки.

– Что? – она повышает голос, но затем, опомнившись, замолкает, переваривая новости, и, наконец, решительно мотает головой, – нет! Это... Это уж слишком!

– Ваше право, миледи, – я нахально разваливаюсь на кровати, расстегиваю запястья на рубашке, – дверь найдете?

– Послушайте, – о-о-о-о... Эти умоляющие нотки в голосе... Ты будешь просить меня, девочка... И я соглашусь... Да-а-а... – но вы говорили вчера про... про одну ночь...

– Разве? Не припомню что-то... Но неважно. Вчера была одна плата, сегодня я ее повысил. Это нормально для торговли. И, к тому же, где гарантия, что ваш брат уже не валяется в канаве в перерезанной глоткой, а ваши цацки не украшают шеи шлюх? В этом же случае вы откажетесь мне платить? И, получается, что я буду работать задарма? Нет уж. Задаток

и затем полноценная оплата моего труда. И, так и быть, если печальная история, которую я нарисовал вам только что, случится на самом деле, я не потребую остаток платы.

Она молчит, сдавливая плечи в безотчетном желании защититься, закрыться... И мне на одно мгновение хочется отключить мерзавца и просто пообещать ей защиту и покровительство. Просто так. Бесплатно.

В конце концов, я ее братишку найду по запаху, дело-то плевое... И чего я, в самом деле, взбеленился так? Ну аристократка, ну смотрит, как на вошь... Сколько народу на меня так смотрело уже? Не привыкать...

Я уже практически раскрываю рот, чтоб отменить сделку, когда девушка опускает руки, выпрямляется и говорит:

– Я согласна. Будьте вы прокляты.

Глава 3

Оу, какая жертвенность!

Вот что всегда смешило в этих возвышенных аристократичных леди, так это трепетное их отношение к своему невинному, или не совсем невинному цветочку.

Никогда не понимал, что в этом такого невероятного.

И с недоумением косился на всякие аукционы, которые периодически тут, в нижнем городе, устраивали.

Отдавать бешеные деньги за то, чтоб лишить плачущую девку куска ее плоти? Зачем? Что в этом такого невероятного?

Для девки-то понятно, что.

А вот для мужчины?

Хотя... У всех свои особенности. Кто-то любит девочек, кто-то... не девочек. А кто-то совсем не девочек...

Мир – странная и порой мерзкая штука.

Интересно, эта красотка невинна? Спросить, что ли? Побесить еще сильнее?

Подмывает, конечно, но тут можно перестараться.

Если она уже не так невинна, как должна бы, то эти игры в проклятие и прочее смешны и наивны. Потому как терять особо нечего, а тело – это привычный способ расплаты для женщин...

Ну, а если все же говорит правду про монастырь и прочее,

то может и в обморок от избытка эмоций хлопнуться, возись с ней потом...

Нет уж.

Пусть пока недосказанность легкая будет.

Тем более, что скоро все проверю... Опытным путем, так сказать...

Встаю, легко, бесшумно, оказываюсь около нее, ловлю губами испуганный вздох.

Что, аристократочка, не ожидаешь такой прыти... Это ты еще ничего не видела.

Тяну за завязки плаща. Хочется снять его и подробнее рассмотреть, что приобретаю. А то запах – это, конечно, важно и даже основополагающе, но...

– Подождите, – узкая ладонь ложится на мои пальцы, в беспомощной попытке задержать, голос тихий, блеклый... Понятно, на подвиг настраивается. Ну, это рановато, конечно... – Подождите... Сначала... Контракт... Да?

– Сначала я хочу рассмотреть товар лицом, миледи, – усмехаюсь я и резко дергаю завязки надоевшего плаща.

Он тут же опадает на пол, и я впиваюсь взглядом в бешено бьющуюся жилку на белой-белой шее... Темный завиток возле ушка, изящную линию губ. Красивая какая... Принцесса прямо...

– Как вас зовут? – вопрос задаю просто так, почему-то хочется знать, хочется, чтоб сама сказала сейчас.

– Лари... – она сглатывает, и я наблюдаю за движением

ее горла, изо всех сил сдерживая волка, готового впиться зубами в эту нежную плоть, прикусить, не до крови, но до порчности, показывая, кто тут владеет ситуацией, кто тут берет. – Иллария...

Она явно хочет добавить что-то еще, очень привычное, то, что обычно всегда добавляет к имени, но останавливается.

И хорошо.

Лари, да... Ее так называла та старуха. Иллария. Северное имя. Интересно... И сама она, с темными, черными практически волосами, черными глазами и белой-белой кожей, выглядит северянкой. Изысканной, гордой и нежной, редкой добычей, желанной. За таких горячие южные паши платят золотом по весу.

Не зря она переделалась мужчиной здесь, в нижнем... Такой нельзя без охраны ходить.

Ничего. Я прослежу, чтоб она была в безопасности. В конце концов, никто не посмеет тронуть женщину Волка императора.

– Красивое имя, Лари... – я провожу пальцами по щеке, она тихо вздыхает, а затем холодно повторяет:

– Контракт.

– Только слово Волка, миледи, – шепчу я в нежное ушко, с удовольствием ощущая нервную дрожь, – его достаточно. Дон должен был сказать...

– Дон... Не успел... – шепчет она потерянно, но затем чуть отстраняется, смотрит в глаза, и я чувствую себя не осо-

бенно хорошо под ее темным, глубоким взглядом, – если вы обманете... Будет плохо. Просто поверьте.

– Поверю, ведьмочка, – киваю я, и ловлю испуганный выдох пальцем, замыкая губы вполне однозначным приказом молчать, – не бойся... Я никому не скажу...

Мне не особенно интересно, почему она скрывает свой дар, наверно, для этого есть причины. Для меня – это еще одна возможность подцепить ее на крючок. Чем больше ее тайн знаю, тем она сильнее зависит от меня. А мне почему-то хочется, чтоб зависела. Как можно сильнее. Волк внутри меня доволен, рычит, подбадривая и подгоняя.

И я подчиняюсь, почему бы и нет?

Провожу руками по хрупким плечам, и ее жесткое мужское платье ползет вниз с треском.

Лари только ахает слабо и пытается прикрыться, вернуть на место свою одежду, но я убираю ее ладони, силой припечатываю их по бокам, затем перехватываю одной рукой сзади, чуть выгибая в талии, придвигая ее еще ближе к себе.

Смотрю внимательно в глаза, где уже нет черной ведьмовской глубины, а есть паника и отчаяние.

Вкусные эмоции, моему хищнику нравятся, на то он и хищник, чтоб упиваться беспомощностью жертвы...

Глава 4

– Послушайте... Послушайте... – она облизывает губы, этим невольным движением лишней раз подтверждая свои слова о собственной невинности... Или, наоборот, о серьезной опытности. Но не думаю, что последнее, иначе это было бы слишком... И означало, что у меня серьезные проблемы. – Но... Не так сразу... Я не готова сейчас, я не рассчитывала... В конце концов, я просто не могу! Меня хватятся!

Она трепыхается в моих лапах, беспомощно и слабо, словно разом потеряв волю к борьбе, и тем самым еще сильнее заводит волка, теряющего уже последнее терпение. Добыча так близко, так рядом!

И такое смешное сопротивление! Вкусно же до безумия! – Миледи, – шепчу я, уже не заботясь о том, чтоб убрать из голоса голодный разбойный хрип, жадно вдыхаю нарастающий аромат страха, – не пи... не говорите ерунды. Вы прекрасно знали, чем закончится сегодняшняя наша встреча. Не стоит оттягивать неизбежное...

Говоря все это, я ее методично и неотвратно подталкиваю к кровати, по пути лишая верхней одежды. У меня большой опыт в раздевании женщин, и обескураженная аристократочка даже не понимает, когда успевает потерять свой мужской камзол, рубашку и пояс с брюк.

На светлом покрывале ее волосы смотрятся черными зме-

ями, практически живыми существами, готовыми опутать, заманить в свои сети. Кожа бледная, без румянца, ни кровинки на лице. Только губы красные, яркие, манят взгляд. И глаза черные, бездонные. В темноте комнаты, на контрасте, это безумно красиво и так же безумно настораживает... Слишком красивая, слишком. Не бывают простые аристократки такими... Где-то подвох тут...

И в другое время я бы этот вопрос как следует обдумал, но сейчас... Сейчас не могу.

Она подо мной лежит, дышит тяжело, грудь в разрезе рубашки мужской рубашки белая-белая, тяжелая даже на вид. Хочется распахнуть и попробовать на вкус. Обязательно это сделаю.

И скоро.

– Я... Я... – она упирается опять ладонями мне в грудь, в голосе уже истерика... А мне это начинает надоедать.

Мне хочется качественно поиграть сегодня ночью, снять напряжение безумного дня, а не мучить силой истерично всхлипывающую женщину.

Потому я прибегаю к последнему аргументу, если уж это не поможет, тогда... Тогда пусть идет отсюда к своей наставнице, в свой монастырь или откуда она там взялась на мою голову. Я – не благородный рыцарь, чтоб просто так впрягаться в ярмо ради прекрасных глаз и туманных перспектив.

Перехватываю тонкие запястья ладонью, вытягиваю руки аристократочки, жестко припечатывая их над головой, и

жадно приникаю губами к неистово бьющейся жилке на шее.

Она вытягивается стрункой подо мной, слабо ахает, замирая. А меня накрывает моментально ее запахом, свежесладким вкусом нежной, тонкой кожи, близкого тока крови под зубами, накрывает до темноты в глазах, до ломоты во всем теле, до боли в пальцах.

Понимаю, что с каждой секундой, проведенной с ней, все больше утрачивается вероятность остановиться, контроль над собой теряется, и совсем скоро я не буду способен отпустить ее. Даже если будет плакать и молить.

При одной только мысли об этом, зверь внутри скалится довольно и рычит. Ему нравится беззащитность добычи, он хочет поиграть... И я как никогда ранее близок к тому, чтоб выпустить его на волю...

Ни к чему хорошему это в прежние времена не приводило, и сейчас тоже не приведет...

Потому я делаю все, чтоб аристократочка не позволила зверю показать свое истинное нутро, то есть применяю весь многократно испытанный арсенал соблазнителя.

Женщины обычно всегда довольны тем, что я делаю с ними в постели. В свое время аристократки при дворе Анджера научили грубого простолюдина использовать свою силу во благо, показали, что такое изысканные ласки, способные довести до вершин блаженства.

Я был хорошим учеником.

И еще не все свои навыки подрастерял с безотказными,

развратными шлюхами нижнего города.

Очень скоро аристократочка начинает дрожать совсем не от страха, дышать прерывисто и невольно выгибаться мне навстречу. Я периодически отрываюсь от ласк, чтоб заглянуть в темные потерянные глаза, и в очередной раз приказать зверю притихнуть, настолько взгляд ее беспомощно-влекущий. Невероятно вкусная жертва мне попалась, не уверен, что смогу до утра насытиться.

Одежду снимаю с нее без малейшего сопротивления уже, не удерживаюсь, глажу маленькие аристократические ступни, развожу ноги, дергаю застёжку штанов и тут же ловлю испуганный взгляд на своем пахе.

И это взгляд – идеальное доказательство невинности Лари, даже если до этого у меня и могли возникнуть сомнения, то сейчас они полностью испарились бы.

Потому что она в самом деле видит обнаженного мужчину впервые.

И пугается, инстинктивно сводя ноги и пытаюсь отползти от меня.

Но я не пускаю, дергаю ближе к себе, устраиваюсь между разведенных ног, не удержавшись, облизываю гладкие бедра с внутренней стороны, ноздрями втягиваю аромат возбуждения. Она реагирует на мои ласки, она мокрая. Просто пока не знает своего тела, не понимает, что с ней происходит.

Ложусь на Лари, заставляю смотреть на себя, шепчу тихо:
– Расслабься, миледи... Будет неприятно. Но потом тебе

понравится, клянусь.

Мои слова словно приводят ее в чувство, заставляют вынырнуть из пучины похоти пополам со страхом перед неизвестностью, взглянуть на меня неожиданно трезво.

И будь я проклят, если к ней в это мгновение не возвращается ее привычное высокомерное превосходство!

Она смотрит мне в глаза, напрягается, губы, до этого трогательно раскрытые, сжимает.

– Делайте все, что хотите, только хватит уже тянуть, – ледяной голос не вяжется с подрагивающими от напряжения разведенными ногами, с бурно поднимающейся и опускающейся грудью.

И я теряю контроль от злобы и бешенства. Проклятая горячка! Все могло бы быть по-другому!

Но теперь будет так, как будет.

Усмехаюсь в своей привычной развязной манере, шепчу:

– Как прикажете, миледи...

И делаю резкий рывок вперед.

В нее.

Теснота, влажность, теплота обжигают до рези в глазах.

Несмотря на мою грубость и ее зажатость, я все же постарался на славу, аристократочка внутри скользкая, влажная, и я практически не замечаю девственной преграды.

Только на мгновение перекрывает дыхание невероятным наслаждением от ощущения себя внутри нее, глаза Лари раскрываются еще шире, становясь поистине бездонными, губы

невольно распахиваются, и я этим пользуюсь. Просто не могу себе отказать в удовольствии.

Закрываю ее рот жадным поцелуем и одновременно двигаюсь.

Ловлю опять тонкие запястья, убираю от своих плеч ладони, упирающиеся в беспомощной попытке оттолкнуть, прижимаю опять над головой их и все это время не прекращаю двигаться.

Ощущаю сопротивление, она испуганно сжимает внутри до боли, и инстинкт требует это сопротивление подавить.

Не могу сейчас этому противостоять. Волк внутри довольно рычит, помечая самку своим запахом, заставляя все сильнее двигаться, чтоб не вздумала отталкивать больше, чтоб не смела!

Лари, ни звука не издавая, когда я только вошел, начинает тихонько стонать, и, наверно, это от боли, но мне сейчас плевать.

Слишком сладко мне, слишком хорошо.

Ее податливость подо мной, слабость будит что-то такое внутри, чего и сам от себя не ожидаю.

Где-то внутри, глубоко, там, где еще осталось чуть-чуть того порядочного парня, что никогда не брал женщин силой, остается понимание, что надо заканчивать скорее, что ей больно наверняка, неприятно, но все это смывается волной чистейшего животного удовольствия от обладания. И я не могу ему противиться.

Рычу что-то ей в губы, повелительное, приказываю не сопротивляться, подчиниться, ее инстинктивный протест для моего зверя словно красная тряпка для быка, только сильнее разгоняюсь, подавляя.

Момент холодного насилия длится и длится, и Лари уже не пытается строить из себя железную, ледяную аристократку, а просто тихо и жалобно стонет в ответ на каждое мое грубое движение, а я умираю от наслаждения и завершаю все только тогда, когда уже невозможно больше ждать.

Прикусываю шею до боли, заставляя вскрикнуть, и это кажется интересным: она не кричала, когда брал, но кричит сейчас, когда кусаю...

В несколько движений прихожу к финальному наслаждению, сжимая ее сильно и умирая от удовольствия, рассыпающегося тягучими искрами по телу.

И потом долго не могу выдохнуть, отпустить свою добычу, лениво лаская губами покусанное место на шее, вдыхая терпкий аромат ее кожи. На ней теперь мой запах. И это кажется правильным.

Закрываю глаза, желая запомнить этот момент. Спать...

Но Лари шевелится, безуспешно пытаюсь меня столкнуть с себя.

Лениво откатываюсь на бок, позволяя ей это.

Приподнимаюсь на локте, наблюдаю за ней, черноволосой ведьмой с белой мраморной кожей. Идеальная статуэтка...

Она садится, не сдержав тихого вздоха, тянет на себя по-

крывало с кровати, отползает в сторону.

И, судя по всему, хочет спуститься!

– Куда собралась, миледи? – задаю вполне логичный вопрос.

Она смотрит сквозь пелену темных волос, упавших на лицо, надменно задирает подрагивающий подбородок:

– Домой. Вы свою плату получили.

– С чего бы? – удивляюсь я.

– Но... – она теряется, сжимает на груди пальцы, пытаюсь прикрыться, – но вы же... Только что получили...

– Миледи, – усмехаюсь я, мягко перекатываясь ближе и пристально глядя в темные потерянные глаза, – мы говорили про ночь. Полную ночь. А не про вашу потерю невинности. Она-то мне как раз неинтересна.

– Но... – глаза распахиваются шире, – но вы же... Только что... Вы еще раз хотите?..

– Ты удивишься, миледи, но даже не один раз еще хочу...

Лари, с тихим испуганным вскриком пытается спрыгнуть с кровати, но я быстрее. Ловлю ее за тонкую щиколотку и тяну обратно, перехватываю сопротивляющиеся руки, привычно трамбуя под себя, убираю волосы с лица, шепчу тихо и жестко:

– Ночь только началась, миледи, так что тебе придется постараться с оплатой...

И нет, мне ее не жаль.

В конце концов, я эту плату собираюсь отработать по

ПОЛНОЙ.

Глава 5

– Так, говоришь, братишка? Сколько ему? – я лежу, привалившись к спинке кровати, перебираю перепутанные пряди темных волос... Надо же, чистый шелк. Разве так бывает?

– Восемнадцать... – бормочет устало Лари, скользит пальчиком по моей груди.

Судя по всему, жест этот невольный, не от разума идущий, а от нутра женского, требующего приласкать своего мужчину.

И она сама не понимает, что делает на инстинктах. А я вот понимаю, немного даже радуюсь этому и в то же время чуть досаую, потому что не получилось из меня жесткого зверя, не сумел довести все до конца, взять полностью в том размере и темпе, что планировал...

А все потому, что волк внутри – натура прилипчивая и до ласки охочая... И, вместо того, чтоб мучить, заставляя делать, как ему угодно, все мягкостью брал, не напором диким и жестоким, а обволакивающим теплом, сладким и тягучим.

Так что не сможет моя насильная любовница восплакать о доле своей женской, о звере жутком, терзающем ее больно и долго...

Нет, если б одним разом ограничился, самым первым, то, наверно, могла бы... Хотя, я все же постарался даже тогда на славу, пробуждая в ней женщину.

Ну а потом...

Потом вообще все не так пошло, как планировалось.

Лари сжималась, мужественно готовясь принять свою печальную участь, и мне от этой вселенской скорби на бледном личике стало дико смешно.

Она смотрела на меня, упираясь кулачками в плечи, и выражение жертвенности постепенно сходило на нет... Потому что невозможно изображать из себя жертву, когда палач захлебывается от смеха и ничего не делает!

А я именно захлебывался.

И именно ничего не делал!

Просто лежал, не пуская ее на волю, смотрел в полные скорби о судьбе своей женской глаза... и ржал, как мой конь Джордан.

Подозреваю, что морда у меня в этот момент тоже на лошадиную была похожа, но остановиться я не мог.

И, в итоге, дождался, когда краска ярости затопила хорошенькое личико Лари, а кулачки ударили по груди совсем не жертвенно, а очень даже по-боевому!

– Как ты?.. Да кто ты такой?!.. – закричала она, вырываясь из моих лап со свирепостью пумы, – как ты смеешь? Скотина! Гад! Бессовестный лжец!

Все еще смеясь, смагивая слезы веселья с глаз, я перехватил запястья, опять растягивая ее под собой, и принялся жадно вылизывать шею и розовое от гнева ушко, урча словно кот:

– Я – никто, миледи, никто, простолюдин, грязь под ногами, животное... И это животное вас сейчас драть будет...

Шепча всякие пошлости, добрался до обнаженной груди и сходу куснул за сосок.

Лари тут же замолчала и, жалко ахнув, выгнулась подо мной, пытаясь царапать ладонь.

Но это уже было чисто инстинктивное, бессознательное.

Она вся дрожала, словно в лихорадке, совмещая нерас-траченную злость, жалость к себе на принуждение и невольное желание тела получить побольше ласки.

И я старался. Ох, как я старался!

Ни одного участка нежной белой кожи не оставил необласканным!

Когда спустился ниже, дурея от легкой металлической ноты в запахе женского возбуждения, пришлось убрать ладонь с запястий, и Лари тут же зарыла пальчики в моих волосах. И нет, не отталкивая! Вообще нет!

И только, когда я накрыл губами нежную сердцевинку в самом низу, она жалко дрогнула и попыталась свести ноги, выстанывая:

– Нет... Нет же... Там... Кровь...

Я приподнялся на локте, оскалился по-волчьи и прохрипел:

– Звери любят кровь, миледи...

И тут же доказал это действием...

Кстати, от крови реально сошел с ума, потому что даль-

ше случился легкий провал в памяти, и осознал я себя только уже на коленях, жестко вбиваясь сзади в стонущую и извивающуюся Лари. И стонала она не от боли! Ну, разве что немного...

И потом плакала не от унижения... И кричала не от ярости...

И теперь ласкает меня не потому, что так требую, а потому что сама хочет. Хоть и не осознает этого. Это как инстинктивная благодарность самочки за доставленное удовольствие. А удовольствие она получила. И, если не ошибаюсь только, не один раз даже.

Я смотрю за окно, прикидывая, сколько еще времени у нас осталось. Еще несколько часов точно...

Хорошо... Это хорошо...

Найду ее недоросля-брата и потом получу благодарность. Сладкую, такую сладкую благодарность...

На целую неделю. Наемся, нажрусь, успокою зверя, уже, похоже, посчитавшего ее своей. И отпущу. Пусть живет себе счастливо, найдет мужа – себе ровню, нарожает ему благородных щенят...

Волку не нравятся мои планы, но я привычно затыкаю оскаленную морду кулаком. Прошли те времена, когда я шел у него на поводу. Он – всего лишь мой инстинкт, голый животный инстинкт, доставшийся в наследство от неведомых предков...

А я – не зверь, что бы по этому поводу ни думали много-

численные мои “друзья” и “доброжелатели”.

– И как его имя?

– Лар...

Пальчики скользят, нежно-нежно, обвивают шерсть на груди, чуть боязливо касаются сосков...

Она вкусно пахнет. Мной и сладкой северной ягодой, я не знаю названия, один раз у Карса пробовал... Морозная свежесть и нежность...

Щеки розовые от недавнего удовольствия... Как она кричала... Ох... Давно со мной в постели так женщины не кричали...

Облизываюсь, ощущая, что от воспоминаний о недавних любовных утехах опять все внутри поднимается. Да и снаружи, впрочем, тоже.

И она это скоро заметит. Интересно, как отреагирует?

– Имя какое... Ты – Лари, он – Лар... Родители ваши, похоже, не мучились с выбором...

– Не мучились... – голос ее странно подрагивает, и я делаю в памяти зарубку, выяснить, что с ее родителями. Хотя, понятно, что ничего хорошего, раз она со своим братом-недорослем одна в такой заднице мира, с охраной в виде смертельно больной компаньонки. Кстати, компаньонка она так себе... Подопечная тут с волком в кровати валяется, а она не хватилась до сих пор...

Но вопросы задавать не буду, оно мне не надо, зачем будоражить раньше времени?

Я ее еще планирую повалить...

– И что он утащил, твой братишка? Мне просто надо понимать, где искать концы, если уже продал.

– Он... Он унес фамильные драгоценности...

– Хм-м-м...

– Он хороший! – Лари приподнимается на локте, смотрит мне в лицо с вызовом, – просто... Просто идеалист. Пони-маешь? Он думает, что сможет... Впрочем, неважно...

Я делаю себе еще одну зарубку. Потому что в восемна-дцать лет быть идеалистом – это естественно. А вот утаски-вать у сестры драгоценности для непонятных целей... Коро-че говоря, сильно сомневаюсь я, что он настолько хороший, как до сих пор считает его сестричка.

Скорее всего, она просто многого о нем не знает...

– Да, неважно, – соглашаюсь я, чуть двигаясь и замечая, что аристократочка в упор смотрит на мой пах, где вполне уже обозначено намерение на продолжение ночи.

Она облизывает губки, медленно переводит взгляд на мое лицо, в глазах неверие и ужас:

– Ты... Ты еще не насытился? – в дрожью в голосе уточ-няет она, и щеки тут же загораются красным.

Это так красиво на белой коже...

– Как видишь, – скалюсь я, беря ее за ладонь и кладя туда, куда сейчас особенно сильно хочется, – можешь даже прове-рить...

– Но... – она не двигает рукой, но и не убирает ее, что уже

огромный шаг вперед, – ты мы же... Ты же...

– Миледи, – вежливо отвечаю я, разворачивая ее к себе боком и приподнимая за бедро, чтоб удобней было, – я вам уже говорил, что ночь только начинается. И я намерен получить аванс полностью. Вы готовы?

– Я... – она опять облизывает губы, не подозревая, в какую бездну спихивает меня этим простым, невинным движением, да и себя тоже, отводит стыдливо взгляд, – я... Не думаю, что...

– Вот и не думай, миледи, – грубовато обрываю я ее, скользя мягко в глубь нежного, трепещущего тела, вырывая из груди тихий, жалобный стон. Ей больно, конечно больно... Но я это все сейчас компенсирую... – Вредно женщинам думать в постели. – И, делая первый, мягкий пока еще толчок, добавляю, – и вообще вредно... думать...

Глава 6

Лар похож на сестру.

Очень даже.

И, судя по жадным похотливым взглядам ребят с дальнего столика, не один я так считаю.

Высокий, нескладный, черные волосы неопрятной копной на пол лица, губы не по юношески пухлые, ни следа от бороды или усов. И глазищи темными маслинами, возбужденно сверкают.

Ну чисто развратный сон мужеложца!

Я стою, привалившись к косяку, лениво отмахиваюсь от наседающей шлюхи, успешно притворяюсь пьяным отставным военным, или охотником на вольных хлебах, охранником, да мало кем может быть высокий крепкий мужик с волчьим взглядом?

Судя по тому, что никто не шелохнулся при моем появлении, в лицо тут Волка императора не знают.

Оно и понятно, заведение не сильно на слуху. Я, вот, в первый раз тут... И даже не знал, что такое в нижнем еще осталось...

Оглядываю вполне приличный зал, со столиками, за которыми сидят многочисленные игроки.

Карты, кости и рулетка.

Размах... Не удивлюсь, если в дальних комнатах аукцион

или еще какая-нибудь подобная гадость.

Помнится, Анджеер запретил азартные игры еще года три назад. Я сам лично выкорчевывал подпольные казино со всего города, и нижнего в том числе. Однако, тут все себя отлично чувствуют... И давненько, судя по всему... Как интересно...

Брат моей любовницы сидит за столом, где играют в карты.

И, похоже, совсем не терзается муками совести, мерзавец мелкий.

Как я и думал, сестричка совсем не знает увлечений своего братишки...

А он вовсе не промах, судя по тому, что гора монет перед ним растет и растет.

Или везунчик, или... Впрочем, неважно. В любом случае, дурак. Кто же без охраны в такие места ходит деньги защищать?

А охраны у мелкого пакостника не видно.

На всякий случай еще раз оглядываю зал, подмечая нюансы. Нет, никого...

Мальчишка один, с привлекательной рожей, субтильной фигурой и горой бабла. Да тут и святой оскоромится!

Отсылаю шлюху жестом, иду к столику с картами. Оттуда как раз уходит один из игроков, сажусь на его место.

– Деньги есть, дядя? – скалится весело сосунок. Глаза блестят возбужденно, бледная, как у сестры, кожа покрыта пят-

нами румянца.

Не отвечаю на хамство, молча кидаю на стол кошель со старинными монетами. Это мне Карс в последний свой приезд отвалил от щедрот северных. Ему там без надобности, у него и так все есть, а чего нет, принесут и с поклоном отдадут. Местное божество, все ж таки.

Мне, кстати, тоже, скорее, как сувенир. Ну и вот для таких случаев.

Лар кивает, раздает, и я невольно люблюсь, как скользят карты в тонких пальцах. Силен, щенок.

Оцениваю выпавшие карты. Не густо... Но у соседа, мрачного мужика с пудовыми кулачищами, еще хуже, судя по тому, как он с грязной руганью отшвыривает свои карты и встает из-за стола.

Я смотрю, как его деньги уходят белозубо скалящемуся Лару, невозмутимо подталкиваю к середине часть имеющегося у меня золота.

Лар вскрывается, я только киваю. Повезло.

Продолжаем.

Примерно через пятнадцать минут становится ясно, что дело тут нечисто.

Карты в пальцах Лара мелькают с дикой скоростью, со сноровкой у парнишки явно все хорошо...

А вот с мозгами, похоже, не очень... Мог бы не так явно палиться. И проигрывать хотя бы через раз, по мелочи.

И, хоть я не чувствую колдовства, но пару раз успеваю от-

следить, как мир моргает в определенных моментах. А потом у меня на руках оказываются вроде бы те же карты... Но не те. А у Лара именно те, что нужны. Я не знаю, как это работает, я не колдун, человек... В основной своей части. Но до этого меня никакой колдовство не брало. Особенность натуры такая. Да и, к тому же, постоянно ношу амулеты, которые не пускают колдовство в мою сторону... Так вот, с Ларом они не срабатывают.

Тут два варианта: или паршивец сильнее императорского мага, или у него что-то такое, что не поддается, обходит силу амулетов.

И тот, и другой случай одинаково паршивы.

И я даже не хочу думать, какой паршивее: маг дикой, неудержимой силы в центре города, или пакостник, умеющий обходить самые хитроумные современные магические решения.

Но одно ясно: братишка у Лари очень непрост...

А еще ухватки у него больно уж знакомые...

Дон Сордо, помнится, так же шурил глаз, когда сдавал. И скалился, когда выигрывал.

Между тем, гора монет у Лара все больше, и я невольно задумываюсь, каким образом ему удалось выжить до сих пор. Ведь этот подвиг далеко не первый за время побега. Я же тоже не с улицы пришел, составил уже маршрут юного Лара, и он примечательный, скажу я вам.

Тут у нас и три подпольных казино, где веселого и удачли-

вого парня запомнили, но не поймали. И очень об этом сожалели. Здесь и парочка ломбардов, где миленький мальчик появлялся, а потом уходил... Вместе с половиной витрины. И никто ничего не видел, пропажу обнаруживали уже после его ухода.

И несколько вполне почтенных матрон, лишившихся своих дорогих побрякушек. Последнее мне очень сильно напоминало вчерашнюю историю с матушкой Анджеера. Прямо до боли знакомым почерком веяло...

Короче говоря, очень талантливый малый... И как еще живой, с такими талантами?

И, самое обидное, что я бы его вовек не нашел, все же нижний слишком велик... Если бы не шел по запаху.

Тому самому, родственному, который снял с его сестренки.

И то едва успел! Еще день – и все, не поймал бы, настолько шустрый мальчик оказался.

Я раздумываю, каким образом буду уводить отсюда Лара, чтоб его местные любители быстрой наживы не поймали, причем, даже не фигурально.

Не особенно хочется светиться. Место такое хорошее... Сюда потом бы наведаться, да всех, кто тут крутится, взять, а то ведь, если поймут, кто я, то расползутся в одно мгновение по всему нижнему, как тараканы. Лови их потом...

И именно в тот момент, когда в голове уже срабатывает четкий план, как мне вытащить отсюда Лара без ущерба для

будущей карательной операции, мир опять моргает.

И вот я ошалело смотрю на пустой стул, где только что сидел пронырливый засранец, и моргаю.

Вот это да...

Да ты редкостный... шустрый!

Тяну носом запах, встаю и быстро иду к выходу.

Интересное какое колдовство...

Удобное для такого засранца.

Но ничего, это даже хорошо, что сумел свалить без лишних свидетелей, мне они тоже ни к чему. И в этот раз я возьму его прямо на улице.

А то все не успевал! Весь день, как дурак, по его следу шел не остывшему и везде лишь опаздывал.

Надоело!

Хватит!

Меня его сестренка еще не до конца отблагодарила! Надо поторопиться, пока постель не остыла!

Я выскакиваю на улицу, заворачиваю за угол и торможу, понимая, что парнишка не такой шустрый, как показалось с первого раза. Ну, или удача ему изменила внезапно. А, может, колдовство кончилось...

Глава 7

– Какой шустрый малыш... – голос скрипучий, а интонации мягкие, такие пошленькие, приторные, – еле догнажи...

– Ой, дяденьки, только не бейте! – засранец ноет с наигранным ужасом, я даже представляю его смазливую физиономию с натурально увеличившимися глазами, – я все отдам!

– Конечно, отдашь... и еще дашь... – податливо соглашается скрипучий, и командует кому-то, – берем его.

Я не тороплюсь вмешиваться, стою себе за углом казино, слушаю.

Мальцу не повредят пара зуботычин, немного спесь прибавят...

Из-за угла слышится характерная для драки возня, а затем совершенно не характерный утробный вой.

Не может парнишка так орать! Или я, дурак, проворонил и его сейчас ножом уговорили... Ох, ты ж!

Если с этим засранцем что-то случится, меня Лари и близко к себе не подпустит!

Плохо!

Все очень плохо!

Выкатываюсь из-за угла, ожидая увидеть кровавое месиво на месте вполне смазливой парнишки, уж больно вопли дикие, но картина, открывшаяся передо мной, заставляет тор-

мозить на полном ходу и моргать, пытаясь вернуться в реальность.

Потому что то, что сейчас вижу, к реальности не имеет никакого отношения.

Подсвеченный малой луной двор совсем не скрывает детали случившегося побоища.

А то, что тут именно побоище произошло, сомнений не возникает.

Кровища, свежий запах которой будоражит мой чувствительный нос, двое ребят, которых совсем недавно наблюдал за дальним столиком в казино, валяются без движения. И, глядя на их раны, можно с уверенностью сказать, что вряд ли когда-то будут двигаться. Еще один, судя по всему, тот самый обладатель скрипучего голоса и тяги к молоденьким мальчикам, катается по двору, утробно воя и извиваясь от боли.

А сам виновник торжества, на первый взгляд, вообще не пострадавший, не обращая внимания на дело рук, а, может, и не рук, своих, сильно занят важным делом: проверяет карманы поверженных врагов. И шустро так! Чувствуется набитая, опытная рука!

При моем появлении Лар резко вскидывает голову, свет луны отражается в черных колодцах глаз, а в следующее мгновение он просто пропадает из вида!

Ах, ты, щенок!

Рычу раздраженно, чуть веду носом и быстро двигаюсь

в ту сторону, куда умудрился сквозануть герой моего сегодняшнего приключения.

Надо же, какой!

И почему это Лари не сочла нужным предупредить меня о такой интересной особенности у своего братишки? Это бы меня очень выручило сейчас!

Ох, и спрошу я с нее за свои нервы! Ноги не сможет свести неделю!

Все эти кровожадные планы я строю на бегу, спешно сдирая одежду и перестраиваясь на боль.

Мальчишка слишком шустрый, я его не поймаю в том виде, в котором сейчас...

А, значит, надо ловчить.

Земля привычно бьет по лапам, оглушает миллионом запахов, которые в моем привычном обличье звучат приглушенно, а то и совсем пропадают.

Зрение тоже меняется. Теперь я вижу не просто остро, а очень интересно. Все теплокровные предметы в красном цвете, остальные – по степени сохранения ими тепла. Мир становится другим, но столь же разнообразным.

И мальчишка, несущийся впереди меня на расстоянии буквально ста шагов, заметен очень четко.

Я разгоняюсь и со всего разбега прыгаю ему на спину. Но аккуратно, просто толкая передними лапами на землю, чтоб не сильно повредить.

Лар падает, тут же перекачивается и пытается встать, но

я успеваю первым. В этом виде я быстрее его.

Опять толкаю лапами, в грудь теперь, и напрыгиваю сверху, прихватывая зубами за горло. Сжимаю, рыча предупредительно и глядя с глаза.

Надеюсь, с инстинктами у парнишки все хорошо, дергаться не будет. А то, опять же, поврежу, и его сестра мне не даст. Печально будет!

Лар в очередной раз показывает себя отнюдь не дураком, потому что понятливо замирает и смотрит на меня с ужасом и восхищением.

Сглатывает, и я волнуюсь, ощущая, как заманчиво прямо под кожей движется кадык... Куснуть сильнее, забыть-ся в кровавом упоении... И опомниться у холодного трупа с разодранной глоткой... Это было уже когда-то. Это не повторится.

А мальчишка, совершенно бесстрашный, тянет к моей морде пальцы, шепчет заворуженно:

– Хороший волк... Какой хороший...

Я, в дикой оторопи от того, что он не боится совсем, ощущаю, как пальцы трогают шерсть, аккуратно, легко, и безмерное удивление, кажется, прорывается даже через звериный взгляд, потому что Лар снова шепчет:

– Где твой хозяин?

Я выдыхаю жарко ему в лицо, затем отпускаю горло, отступаю, позволяя сесть и закашляться.

А затем бодаю головой, чтоб встал.

– Что? Ты хочешь меня отвести к хозяину? – хрипит Лар, потирая горло со следами моих клыков, – может, пойдём со мной лучше? Я тебе буду всегда мясо давать... Хороший волк... Красивый...

Он тянет руку, чтоб погладить меня, но я предупредительно щёлкаю зубами, и красноречиво мотаю башкой в обратном направлении.

Лар больше не пытается подружиться, встает, подхватывает заплечный мешок, набитый добром, и идет впереди меня.

Пару раз оглядывается, но я скалюсь и рычу, предупреждая, что не стоит делать резких движений.

Тормозим мы возле того места, где я скинул штаны.

Лар идет впереди, не замечая, что я нырнул в кусты.

И оборачивается, когда я возвращаюсь, уже в штанах, голый по пояс.

Он останавливается, раскрыв рот, осматривает меня, затем пристально глядит в глаза.

– Ничего себе... Волк... – бормочет он, сложив два и два, – не думал, что такое бывает...

– Все в этом мире бывает, – философски отвечаю я, – топай дальше, щенок.

Лар послушно идет впереди, но поминутно оглядывается. Я торможу еще несколько раз, подбирая остальную одежду.

– Ты же Волк императора? – спрашивает он, проявляя недюжинную смекалку, – давай я тебе просто отдам браслет

и мы разойдемся краями... Я просто не знал, кто она... А когда узнал... Это ошибка, в общем...

– Да, ошибка, – киваю я, – вот мы ее и исправим. И не вздумай опять провернуть этот фокус с исчезновением. Я тебя найду в любом месте.

– Да я уже понял, – кивает Лар, – это что-то связанное с твоим зверем? А есть еще такие, как ты? Никогда просто не слышал...

– Много вопросов, щенок. Топай.

– Ты меня в тюрьму ведешь?

– Еще раз задашь вопрос, завяжу рот.

– Слушай... К меня тут, в мешке, много всего, хороший улов, я тебе отдам... Стой, что ты делаешь? Что...

Дальше мы идем в благословенной тишине.

Глава 8

– Забирай засранца, миледи, – я легко толкаю Лара перед собой так, что он не удерживается и залетает в комнату, падая прямо под ноги сестры.

Она тихо ахает, вскакивает и принимается поднимать своего непутевого брата, причитая шепотом:

– Лар! Лар! Ох... Да что же ты придумал, глупый? Где тебя носило? Я чуть с ума не сошла...

– Я не глупый, – говорит он неожиданно злобно и независимо, отбрыкиваясь от нее и поднимаясь самостоятельно, – я не собираюсь прятаться, говорил тебе уже! И не собираюсь... Ждать...

Последнее слово он договаривает уже без прежнего злобного напора, а даже с какой-то виноватой ноткой, и смотрит на компаньонку Лари, ту самую строгую леди, что была с ней в первую нашу встречу. Мэсси, так называла ее Лари.

Мэсси, которая тоже поднялась с нашим приходом, глядит на Лара строго и серьезно, поджимает губы неодобрительно. Затем переводит взгляд на меня, стоящего на пороге, и в глазах ее вспыхивает узнавание. И понимание.

Она резко поворачивается к своей подопечной:

– Лари? Ты все же?..

Но та, занятая братом, только досадливо кривится.

Тогда Мэсси опять обращает внимание на меня:

– Добрый вечер, Волк.

– Миледи, – учтиво скалюсь я, чуть наклоняя голову, – прекрасно выглядите... В платье.

Такой вот толстый не-намек на нашу предыдущую встречу, когда они с подопечной в мужском по нижнему ходили. Две авантюристки.

Мэсси это все считывает, конечно же, но ведет себя по-королевски.

– Да, – с достоинством поджимает губы она, – Дон не ошибался в оценке вас...

– Положительной, раз уж вы ко мне обратились? – продолжаю играть в нахала и плебея я.

– Не думаю... Что именно это могло нас сподвигнуть на встречу с вами...

Мне надоедает заниматься словоблудием, да и к тому же брат с сестрой уже перешли от приветственных мероприятий к спокойному и сдержанному переругиванию чуть в стороне.

Я кидаю взгляд в их сторону. Лари стоит спиной, что-то строго и жестко выговаривая Лару, а тот со скучающей рожей вяло отгавкивается. Ох, наглый мальчишка! Я бы его уже плетью поучил почтению к старшей сестре! Мало его драли в детстве!

Однако, время идет. Мое, между прочим, отработанное, но не оплаченное время!

Надо бы обратить на себя внимание...

– Мадам, – обращаюсь я к Лари, не считая нужным удер-

живаться от жадного изучения ее тонкой фигурки, затянутой в строгое платье, и с удовольствием отмечая, как жарко вспыхивают ее щеки, как судорожно алеют губы. Ох, и вкусные у нее губы... Волк внутри начинает волноваться и мести хвостом в предвкушении. Да, приятель, я знаю, знаю... Еще неделя у нас. Целая неделя. И я не намерен ни одной минуты упускать! – Вы удовлетворены выполнением заказа?

Она знает, о чем я говорю, вспыхивает еще ярче, но держится в королевском достоинстве. Словно не стонала подомной всю эту ночь, судорожно лоя опаленными губами воздух... Хорошая была ночь, сладкая... И повторим ее обязательно... А, может, удастся договориться и не только о ночи... Мысль будоражит, ноздри невольно подрагивают, желая вобрать побольше ее запаха, запечатлеть внутри.

Наверно, дикая жажда, которую я сейчас испытываю, как-то отражается на моем лице, потому что Лари настораживается еще больше и смущается, хотя и вида старается не подавать.

– Да, вполне, – нейтрально и даже строго отвечает она, чуть подаваясь назад, словно я приближаюсь к ней... И уже трогаю... И, возможно, даже...

Я не сдерживаю ухмылку, проходясь языком по верхней губе и глядя прямо в расширившиеся от напряжения глаза.

– Тогда жду расчета, миледи, – учтиво склоняю я голову и добавляю после паузы, – полного...

– Я от оплаты не отказываюсь... – тихо говорит Лари, пуг-

ливо стреляет взглядом в напрягающуюся от нашего непонятного посторонним разговором компаньонку.

Лар тем временем расслабленно падает на стул, кидает свою сумку на стол, смотрит на меня нагло и высокомерно.

Гаденьш мелкий. Давно ли ты торговался со мной униженно?

А тут прямо принц наследный.

– Много ты ему должна, сестренка? Впрочем, неважно, – он ковыряется в своей котомке и кидает мне какую-то безделушку, – этого хватит, я думаю.

Я смотрю на вещицу, угодившую мне в руки, и со всей отчетливостью понимаю, что моего вознаграждения сегодня не дождусь... И не факт, что оно вообще будет.

Потому что в пальцах у меня поблескивает браслет ма-тушки Анджеера. Тот самый, зачарованный, неснимаемый и прочее, и прочее, и прочее... Именно его вчера неизвестный вор и утащил.

Хотя, нет...

Я смотрю на довольно и надменно скалящегося Лара.

Известный. Вор.

И что-то мне подсказывает, что сестренка его не обрадуется, если я его прямо сейчас отсюда потащу к Анджееру.

А я потащу. Придется.

Приказ императора не дает возможности истолковать его превратно.

Волк внутри начинает злиться и рычать даже, и я вполне

могу понять это животное. У него из-под носа уводят желанную добычу, самку, в которую так сладко погрузить клыки и не только клыки! Которую так сладко валять по кровати, заставляя стонать от смеси боли и удовольствия!

Она же точно не подпустит меня к себе теперь!

Хотя, с другой стороны, я свою работу выполнил, брата ей привел...

А все, что сверх и после, уже другая договоренность...

Но все равно... Как неправильно складывается! Некрасиво!

Я обдумываю эту грустную, безвыходную ситуацию, рассеянно вертя в руках браслет.

– Что? – спрашивает наглый мальчишка, – мало, что ли, тебе? Так я еще добавлю!

– Не стоит... – поднимаю я на него взгляд, – не стоит... Я забираю все. И тебя забираю. Именем императора Анджеера.

На тихо ахнувшую Лари я старательно не смотрю.

Слишком грустно.

Глава 9

– Что значит, забираешь?

Ну вот ждал я, конечно, возражений, и, причем, именно с этой стороны! И старая компаньонка не подкачала.

Она грозно сводит брови, выпрямляется еще сильнее, хотя куда уж больше, и без того, словно оглоблю проглотила, и выдвигается вперед, становясь так, словно намерена прикрыть брата и сестру своими тщедушными телесами.

– Миледи, – я стараюсь быть вежливым, насколько это возможно, конечно, потому что не от старухи жду я подвоха, нет. Чую напряжение от мелкого засранца, и, что гораздо хуже, от его сестренки. И это прямо печально!

Ну не хочется мне воевать сейчас! И без того грусть-тоска из-за рушащихся планов!

Хотя, что мне помешает потом наведаться и стробовать должок?

Подло, конечно, не по-человечески... Ну так и я не совсем человек... Так что...

– Миледи, – говорю я учтиво, – я всего лишь выполняю свой долг...

– Да какой еще долг, Волк? – повышает она голос, – ты простой наемник, низкий человек! Или... – тут она щурится, – не-человек.

Дон, скотина, чтоб тебе в гробу перевернуться! Наболтал,

похоже, всякой ерунды перед смертью!

Так-то, ничего лишнего он рассказать не мог, мы все же связаны клятвой, но вот перед смертью пути ослабевают...

– Ага, – кивает Лар, – он очень даже... Не.

И тут же затыкается под моим тяжелым взглядом. Отворачивается, делая вид, что ничего такого и не говорил. Пожалуй, ошибся я в нем. Понятливый малый. Когда надо.

– Миледи, при всем моем уважении, это не ваше дело. Советую вам смириться. Ваш... Подопечный должен предстать перед Императором. Сам виноват. Был бы умнее, не тянул бы лапы к тому, к чему нельзя.

– Лар? – хмурится старуха, поворачиваясь к засранцу, а тот лишь скалится насмешливо. – Ты опять?

И столько в ее голосе негодования, вполне искреннего причем, столько удивления, что я едва удерживаюсь, чтоб глаза не закатить. Определенно, сестренка и ее компаньонка, и, судя по поведению, не только ее, но и этого наглеца, представления не имеют о некоторых интересных особенностях его характера... И умениях. Или имеют, но почему-то думают, что он будет сдерживать себя.

Ага. С таким норовом. В восемнадцать лет. Смешные.

– Я сказал уже, что не собираюсь тут отсиживаться! – рявкает надменно Лар, – и потому нечего удивляться!

– Это... Это недопустимо! Ты же знаешь! Ты позоришь себя таким поведением, своего отца! Свой род!

– Моему отцу плевать уже. – Огрызается Лар, – и уж тем

более моему роду. И вообще, все средства хороши для достижения цели. Уверен, отец порадовался бы, если б мне удалось вернуть свое!

– Так ты ничего не вернешь!

– Посмотрим!

Я несколько увлекаюсь перепалкой старухи и Лара и упускаю из виду Лари.

И очень зря!

Потому что внезапно навалившееся оглушающее заклинание становится неожиданностью. Правда, не до такой степени, чтоб совсем уж ему поддаться. Тем более, что меня магия не берет. Так, слегка цепляет, до легкого головокружения. И уже оно показывает, насколько сильна Лари. Практически, на уровне императорского мага! А это... Это очень серьезно! Такая большая сила встречается мало у кого!

Я чуть пошатываюсь, но успеваю среагировать и спеленать рванувшего к выходу Лара, который, судя по всему, специально затеял свару с компаньонкой, чтоб отвести мне глаза. Ловчий амулет, заряженный императорским магом, срабатывает на отлично, Лар с проклятиями валится на пол, а я легко толкаю старуху на кровать, решив, что там мягко, и сильно не ударится, и перехватываю за талию Лари, пока она чем-нибудь еще не кинула в меня.

Тонкая, ломкая талия в моих лапах, бьющееся в попытке освободиться тело, яростно ударивший в нос аромат холодной сладости – все это тут же заводит зверя, да так, что с губ

срывается предупреждающее рычание.

Утыкаюсь в нежную шею, вдыхаю будоражащей запах своей самки, добычи, желанной и сладкой, не удерживаюсь, провожу языком по коже.

Лари, ощутив близость зверя, замирает, вытянувшись в струнку, дышит тяжело.

– Ну что же вы, миледи, – урчу я в розовое ушко, – так нечестно играете? Я свою часть договора выполнил, а вы?..

– Кто бы говорил о чести, – шипит она сквозь зубы, дергается едва заметно, чтоб уклониться от моих губ, и я с восторгом наблюдаю, как по коже расползаются мурашки. Она явно не равнодушна к моим прикосновениям! – Наемник! Палач! Пес!

– Не стоит обижать меня, миледи... – хриплю я и сжимаю сильнее талию, – а то я могу и начать соответствовать вашим ожиданиям...

– Вы и без того... соответствуете...

– О, нет, миледи, пока еще нет...

– Прошу вас, прошу! – это старуха приходит в себя и поднимается с кровати, вытягивает перед собой ладони, – прошу, не надо! Она не ведала, что творила... Пожалуйста!

– О, я смотрю, тут у нас только один человек в курсе, какое наказание следует за неправомерным использованием магии, особенно, если ведьма не стоит на учете... И нападает на находящегося при исполнении носителя императорского слова... – веселюсь я от души.

Ну, а почему бы мне, в самом деле, чуть-чуть не поиграть? А то, понимаешь ли, бесстрашные такие все...

– Прошу вас! – умоляюще складывает она руки на груди, – прошу! Пожалейте ее! Она больше не будет!

– Хорошо... – напоследок втянув аромат сладости и незаметно прикусив тонкую кожу так, что Лари вздрагивает, отпускаю ее, иду к спеленутому сетью Лару, в данный момент способному только яростно глазами сверкать, поднимаю легко, открываю дверь и тонким свистом подзываю одного из ребятишек из Тайной канцелярии, находящихся неподалеку, – в машину его.

После этого разворачиваюсь к дамам.

Трогательная сцена: нежная обиженная девочка в ищет защиты в объятиях своей компаньонки. Ага, если забыть, что заклинание, которым она в меня кинула, способно даже дракона с ног свалить, а человека неподготовленного и убить может.

– Надеюсь, вскоре увидимся, миледи.

Внимательно смотрю при этом на Лари, отчетливо давая понять, что отступать от своего не намерен.

Раньше, может, и подумал бы, но после сегодняшнего нападения... Нет уж. Будет отрабатывать. А я, так и быть, хлопочу о ее братишке неразумном перед Анджеером... Чего только не сделаешь, чтоб заполучить сладкую самочку в свою постель...

Эх, слаба наша плоть, слаба...

Глава 10

– А ты себя превзошел, Волк, – Анджеер задумчиво перекатывает в пальцах браслет, и камни в нем радостно поблескивают, отражая многочисленные магические свечи, – матушка будет рада...

– Я всегда рад порадовать императрицу, – уважительно склоняю голову.

– Где сам герой?

– А где ему быть? – пожимаю плечами, – в темнице...

Анджеер кивает, откладывает браслет в сторону, встает и идет к окну.

– Слушай, Волк, – тихо спрашивает он, – а чего ты хочешь от жизни?

Вопрос настолько неожиданный, что я давлюсь вином и пару минут кашляю, приходя в себя.

– У-убить меня если решил, – хриплю, когда, наконец, появляется воздух в легких, – мог бы чего попроще придумать...

– Прекрати, – с досадой отвечает Анджеер, – я серьезно. Вот что ты, Волк императора, лучший разведчик империи, шпион, за голову которого в половине соседских стран награду дают немалую, что ты хочешь от жизни? Ради чего ты живешь?

Я с опаской смотрю на своего друга, брата названного, и

лихорадочно просчитываю варианты происходящего.

Болен? Смертельно, упаси Матушка?

Душевно болен?

Разочарован?

Влюблен?

Последнее отмечаю сразу, Анджеер не из тех, кто влюбляется...

Хотя, я того же мнения был про нашего дракончика Ассандра, однако же, жизнь – крайне непредсказуемая вещь... И Ассандр, всегда смотревший на женщин с холодной усмешкой, теперь сдувает пылинки со своего золота, маленькой Катаржины, из-за которой готов был даже братство наше побоку пустить, пойти против воли Анджеера... Так что не стоит этот вариант исключать, хотя, вот честно, лучше бы император просто заболел... Мне было бы проще с этим разбираться.

Однако, от меня ждут ответа...

– Я живу для удовольствий! – скалюсь я, выбрав самый очевидный и безопасный вариант.

Анджеер смотрит на меня внимательно, щурит глаза, но затем отворачивается, видно, решив больше не пытаться разговаривать со мной по душам. На трезвую голову, по крайней мере.

Я делаю мысленную пометку подбежать сюда вечером и плотнее пообщаться с названным братом за бутылкой-другой чего-нибудь крепкого. Не нравится мне, когда импера-

тор огромной страны внезапно впадает в задумчивость. По опыту других государств, ничего из этого хорошего не выходит никогда.

– Ладно... Вернемся к нашим баранам, верней, к одному барану. – Разворачивает Анджеер разговор на более животрепещущую и, чего уж скрывать, безопасную тему, – ты уверен, что он не уйдет из темницы? Судя по твоим рассказам, это крайне... шустрый мальчик.

– Не уйдет, – усмехаюсь я, – там не зачаровано. Там просто на ключ закрыто. И на парочку тайных запоров... А в тюремщиках братишка мой мохнатый ходит... Он не умеет очаровываться и колдовству не подвержен.

– Который из твоих? – интересуется Анджеер, помнивший моих мохнатых братьев и сестер по именам и умеющий различать их по мордам.

– Василек.

Анджеер кивает, потом опять задумчиво вертит в руках браслет...

– Н-да... Думаешь, все? Так просто? И никаких... Посторонних мотивов?

Я знаю, о чем он. Да, история оказалась не особо сложной, без привлечения шпионов от дружелюбных соседей. Просто ловкий дурачок, удачливый не по годам... Ни диверсии, ни подкуп, ни революционные настроения... Это же хорошо?

– Думаю, надо с ним пообщаться тебе, твое величество. Ты умеешь спрашивать.

– Пожалуй, это имеет смысл... Пошли в малую залу. Пусть его туда же приведут.

– Я сам схожу, а то Василек не пустит посторонних...

Я иду вниз, в личную темницу императоров, стены которой могли бы многое рассказать и о правящей династии, и о периоде временщиков, смутах, высокородных пленниках и прочем, чем так богата память подобных мест.

Подхожу к нужной камере и наблюдаю Василька, копилкой сидящего напротив решетки и внимательно рассматривающего протянутую из камеры ладонь с куском мяса.

Мимолетно восхитившись несгибаемой верой в свои силы юного Лара, пару минут наблюдаю попытку подкупа должностного... морды, но в итоге не выдерживаю и, когда Лар в отчаянии бормочет:

– Да бери ты уже, гадость лохматая!

Говорю тихо и наставительно:

– Василек не любит мясо. И когда обижают, тоже не любит.

Раздается ойканье, рука исчезает, а у решетки появляется лицо Лара. Он усмехается, кажется, вообще не расстроенный неудачей и тем, что его поймали на таком неблагородном деле, как подкуп.

– О, Волк! Слушай, а что он ест? Он же волк? Или... Он такой же, как ты? Тогда прости, что назвал лохматой гадостью...

– Он не такой, как я, – прерываю я словесный поток, – он

– просто зверь, а я...

– А ты?

– А я – высший зверь.

С этими словами я открываю решетку и приглашаю Лару на выход.

– А куда мы? – не понимает он, поглядывая на то на меня, то на тенью скользящего следом Василька, – не на казнь, надеюсь?

– Нет, что ты, – спокойно говорю я, – у нас воров не казнят... – и добавляю после паузы, – руки по локоть рубят и отпускают на волю...

Лар изумленно и испуганно смотрит на меня, хочет что-то сказать, но я коротко командую:

– Вперед.

И, видно, тон удается выбрать правильный, потому что щенок затыкается и покорно топает вперед, впрочем, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Мы идем специальными путями, проложенными для удобства императорской семьи. Чтоб, в случае чего, можно было любого неугодного сопроводить тайно сразу под надежную защиту темницы, не вызывая лишних пересудов у придворных и слуг.

В малом зале, довольно камерном, по сравнению с остальными залами дворца, я указываю Лару на середину, сам прохожу к сидящему за овальным столом для переговоров Анджееру, устраиваюсь рядом.

Император, было расплывшийся в улыбке при виде серой морды Василька, тут же серьезнеет и внимательно смотрит на спокойно стоящего Лара. И что-то ему явно не нравится в смазливой физиономии воришки. Слишком пристально смотрит. И слишком пауза затягивается.

– Интересный... мальчик, – говорит Анджеер, наконец, задумчиво, а затем поворачивается ко мне, – Волк, брат мой, а где ты глаза свои потерял? И нюх заодно?

И, пока я перевариваю неожиданный вопрос, открывается дверь и в зал скользит один из ближних слуг Анджеера, склоняется к нему и тихо говорит:

– Ваше императорское величество, здесь леди Иллария Сординская, наследная принцесса Севера, графиня Радужных гор, и ее наставница, леди Мэссания, баронесса Сонская. Просят принять.

Глава 11

Анджеер усмехается едва заметно, словно ожидал чего-то подобного, затем спокойно кивает:

– Проси.

Поворачивается ко мне:

– Интересно, правда, брат мой?

Я не понимаю, в чем дело, потому просто киваю неопределенно. Смотрю на Василька, и тот послушно растворяется в полумраке малого зала. Только глаза поблескивают потусторонне и дико.

Я отхожу чуть в сторону, чтоб вошедшие не сразу заметили еще одного присутствующего на аудиенции человека.

Понаблюдаю издалека. Какую игру ведет мой брат, интересно?

В этот момент я упускаю из виду настороженного и смотрящего в сторону дверей Лара, полностью забыв про него. Сделать он в любом случае ничего не сможет, Василек бдит, а, значит, на время вполне реально оставить парня в покое. Тем более, что сейчас будет, на что посмотреть...

И, опять же, терзают смутные мысли насчет неоднозначного поведения моего названного брата... Что я упустил, а он увидел? Такого не было никогда... Старее? Теряю хватку? Позор какой...

А через мгновение все мысли вообще из головы вылетают,

потому что в зал входят две женщины...

Очень знакомые женщины, несмотря на то, что сейчас они совершенно не похожи ни на мужчин, хотя, они и в первую нашу встречу на мужчин не были похожи, чего уж говорить... И на растерянных мещанок, упрашивающих меня пожалеть их единственного мужчину в семье, тоже не похожи...

Нет, сейчас в малый зал для аудиенций входят две аристократки. Причем, аристократки самых чистых, самых ненавидимых мною кровей: отборное золото, которое, кажется, просвечивает через прозрачную кожу тонких запястий!

Поступь, гордая посадка голов, взгляды, жесты...

Остается только зубами скрипеть и вопрошать небо: где ж я так нагрешил-то, что оно меня наградило слепотой???

Леди Иллария Сординская, которая по праву рождения стоит куда выше своей, очевидно, родственницы и наставницы леди Мэссании Сонской, останавливается, чуть не дойдя до середины зала, как и положено по канону, вбиваемому в этих дамочек с молоком матери, опускает руки и подбородок в изящном приветствии, бледное надменное лицо совершенно не меняет своего выражения, хотя она явно замечает не только своего братишку, изваянием застывшего чуть в стороне, но и меня тоже замечает.

Но выучка, мать ее! Кровь! Гордость наследственная!

Как же это я так попал???

Мрачно сверлю взглядом тонкую, изящную фигурку, за-

стывшую в правильной, нужной позе гордого почтения перед Анджеером, едва сдерживаю злобный оскал, понимая, как невероятно меня обманули, обвели вокруг пальца!

И кто?

Аристократка!

Из тех, что я на огромных расстояниях чую, распознаю! А тут промахнулся! Как она, наверно, посмеялась надо мной, мерзкая горячка!

– Принцесса, – между тем, начинает Анджеер, запросто ломая ритуал и подходя к женщинам, – чрезвычайно рад видеть вас в добром здравии. Признаться, слухи ходят очень... неприятные... Я рад, что с вами все хорошо! Баронесса, – кивает он леди Сонской, и та со всем изяществом приседает куда ниже своей подопечной, склоняясь перед императором.

– Да, слухи о нашей гибели несколько преувеличены, ваше величество, – вежливо воркует Иллария, и голосок ее, хрустальный и нежный, так мало похож на те томные, тихие стоны, что звучали совсем недавно в моей постели. – Спасибо, что приняли нас, это большая честь...

– Ну что вы, принцесса, – отвечает Анджеер, приглашая дам в уголок, где располагаются столик с напитками и мягкие диваны, – разве я мог поступить иначе? Помнится, мой батюшка с вашим батюшкой были дружны... А я помню вас совсем крошечной...

– Да, – кивает Иллария, – это было так давно...

Я переступаю с ноги на ногу, чтоб обозначить свое при-

сутствие, и Анджеер тут же, словно спохватившись, зовет меня к себе:

– Прошу прощения, забыл представить... Мой Названный брат, лорд Вулф.

Я подхожу ближе, смотрю в невозмутимые темные глаза принцессы Иллари Сординской, наследницы Севера, которая, вместе с ее братом, принцем Илларом, наследником Севера бесследно пропала несколько месяцев назад, во время Северной смуты, в результате которой на трон села вторая жена их погибшего отца Иллара... Темная история, на самом деле, я как раз был на юге, вместе с нашим драконом Ассандром решал вопрос о заключении мира с Султанатом... А за Север должен был отвечать еще один наш названный брат, лорд Карс. Мы не виделись с момента свадьбы Ассандра, после которой, собственно, и разъехались в разных направлениях... И где сейчас Карс? Почему в его подведомственных территориях такое происходит? Хотя, Север – это не наша территория, это другое государство, с которым мы всегда были союзниками, Анджеер не преувеличивает, их отцы с Илларией были дружны... Но это было давно, а в последнее время и политика государства стала другой, да и отношения между детьми некогда дружных родителей претерпели изменения...

Я сам ни принца, ни принцессу никогда не видел, как-то мимо меня это все прошло... Но в любом случае, не распознать столь высокородных особ... Огромный минус мне, как

Волку императора. Огромнейший.

Все эти мысли мелькают в моей голове одним мгновением, пока скалюсь, пытаюсь изобразить дружелюбие и почтительность, пока наклоняюсь к бледной ручке принцессы и, не удержавшись, нахально прохожусь по ней языком. Заметно это только для нее, естественно, я же не настолько отбитый, что бы про меня при дворе не говорили.

Иллария едва заметно сужает глаза, но не вздрагивает и в лице не меняется. Высокородная, мать ее, леди... А ночью стонала, как обычная женщина. Девушка.

Я ощущаю, как внутри все принимается нить, и дико хочется сделать еще что-нибудь дико пошлое, развратное, чтоб маска вежливой учтивости, которую лепят этим леди с детства, сползла, наконец, обнажая ту живую девочку, которую я так сладко мучил совсем недавно...

– Рад знакомству... – мурлычу, между тем, низким голосом, глядя в глаза Илларии и едва заметно усмехаясь, – вы обворожительны... Давно в городе? Как это я раньше вас не видел?

– Может, плохо смотрели, лорд? – спокойно и прохладно отвечает она, убирая руку.

Я держу оскал, ощущая за вежливостью вызов. Сучка. Плохо я рассмотрел тебя? Ничего, это дело поправимое...

Ассандр приглашает дам присесть, общаясь с ними, как с равными, подчеркнуто радушно и приветливо.

– Ваше величество, я бы хотела сразу обозначить цель сво-

его визита.

А вот это уже не вежливо... По этикету необходима долгая прелюдия, но принцесса сознательно пропускает ее, хотя и понимает, что это может ухудшить положение... Она во всем такая решительная, интересно?

– Мой брат... Он еще очень молод... И импульсивен... И не всегда оценивает последствия своих действий...

Со стороны до этого напряженно вслушивающегося в беседу Лара доносится тихий протестующий возглас, но Анджеер старательно делает вид, что не слышит ничего и не понимает.

Вот ведь... Император...

– Он совершил ошибку, но прошу вас, не наказывайте его слишком сурово! Мы возместим ущерб...

– О чем идет речь, принцесса?

– О моем брате, ваше величество! Он... Его поймали...

– Постойте! Вы имеете в виду... Этого молодого человека?

Я, чуть отойдя в сторону, так как сидеть без разрешения императора не по канону даже мне, изо всех сил держу лицо, потому что рассмеяться в такой момент будет сущим неуважением к моему названному брату и императору моей страны.

А рассмеяться хочется.

Вот ведь артист!

И, главное, дамы верят!

Впрочем, Анджеер всегда отличался умением грамотно навешать лапшу на прелестные дамские ушки...

Вот только сейчас зачем ему это надо?

Глава 12

Я чуть отхожу в сторону опять, преследуя сразу две цели: не мешать своему названному брату развлекаться и найти более удобное место для полноценного разглядывания принцессы Иллариин.

Ощущая сбоку присутствие своего мохнатого брата, он тоже немного взволнован, принимает к новым для него людям, но маскируется идеально, дамы его не видят.

Лар, который внезапно наследник Севера Иллар, ведет себя примерно так же, как и Василек: стоит, напряженный и немного растерянный, и тоже, по-моему, принимает.

Я его на всякий случай из виду не упускаю, пользуюсь возможностью, мстительно кошусь, лениво придумывая всяческие кары за наглую вранье и введение меня в заблуждение.

Вообще-то, кары заслуживают все три участника фарса, но со старухи взять нечего, над ней уже смерть стоит, принцессу я буду наказывать долго и изобретательно, естественно, но сейчас в детали лучше не углубляться, чтоб не потерять нужной настрой и концентрированную злобу, которая всегда – главный двигатель меня. А вот поразмышлять, как именно будет наказан нахальный щенок, пусть он и целый наследник Севера, причем, наследник первой очереди, его мачеха со своим отпрыском, получается, занимает сейчас трон незаконно... Короче говоря, поразмышлять я мо-

гу. И вариантов множество... Тут, главное, понять, насколько Анджеер заинтересован в парнишке и что именно хочет с ним сделать...

Лара, между тем, величественно подзывают ближе и позволяют сесть рядом с сестрой на диванчик.

Анджеер делает удивленное лицо, восклицает несколько раз: “Ах, какая неприятность!” и прочее. В целом, мой названный брат имеет вид невероятно глупый, и мне даже как-то стыдно становится за его такую плохую игру.

Лар, поняв, что его никто не собирается казнить, отрубать руки и так далее, ощутимо расслабляется, задирает подбородок горделиво и надменно, и это сразу выдает в нем и свойственную возрасту наивность и глупость, тоже свойственную возрасту. Я бы на его месте, наоборот, сжал все, что только можно...

Но я-то уже вышел из щенячьего возраста, да и Анджеера неплохо знаю...

Василек, внимательно отследив перемещение охраняемого объекта, чуть сдвигается в сторону, садится послушной собачкой на задницу и вываливает язык, сразу обнаруживая крокодилью пасть.

Тоже под дурачка косит... Надо его оставить во дворце, то-то Анджеер обрадуется...

– Нам удалось спастись случайно, – журчит нежный голосок Иллари, – дело в том, что мы уже довольно длительное время были... Жили не во дворце... Отец... Предпочитал

общество мачехи и нашего младшего брата... А мы жили в летней резиденции. Когда произошла смута, мы сумели выбраться, долго скитались... И неделю назад прибыли сюда, в ваш чудесный, такой гостеприимный город...

– Почему же вы сразу не пришли за помощью? – голос Анджеера звучит участливо настолько, что я с трудом сдерживаю усмешку: ну прямо добрый дядюшка у нас тут...

– Мы... Не хотели вас обременять... – ах, как трогательно, слезы на глаза наворачиваются... От смеха. – Мы планировали уехать в Джану... Подальше...

– Но вы же наследники? Или Иллар отменил указ о престолонаследии?

– Насколько нам известно, нет, но мы...

– Я хочу вернуться и заявить права на трон! – мальчишка смеется и вмешивается в разговор взрослых людей. Наглец какой.

Я с любопытством смотрю на Анджеера, но у того ни один мускул не вздрагивает на лице. Он благожелательно разглядывает Лара, кивает поощрительно, дескать, продолжай-продолжай...

И тот, естественно, не упускает шанса показать себя во всей красе:

– Мы вообще зря уехали, совершили ошибку! Я говорил сестре, но она...

– Нас хотели убить, Лар, – торопливо отвечает Иллария, – и у нас не было шансов, ты помнишь же...

– Я думаю, что в столице много людей, преданных отцу, – запальчиво возражает Лар, – и, значит, мне! Им не нравится самозванка на троне! Надо было ехать туда сразу! И сейчас я бы уже был коронован!

Лари открывает рот, чтоб возразить, но Анджеер опережает ее:

– Принц, я уверен, что в Нордарии осталось много преданных короне людей, но, приехав туда без поддержки и защиты, вы сильно рисковали... Здесь предусмотрительность и осторожность вашей драгоценной сестры сослужила вам отличную службу...

– Но мы теряем время тут! – гневно прерывает императора Лар, – пока мы здесь... Они там... Я хотел получить возможность... И именно для этого...

– Я понимаю вас, принц, – отвечает Анджеер, – и поддерживаю. Думаю, мы сможем оказать вам нужную помощь в возвращении вам ваших законных прав... Все же, наши отцы были хорошими друзьями... Но для этого нужна качественная подготовка... Как вы понимаете, если ваши враги узнают, что вы здесь, то вы будете в опасности... Да и мне со стороны дипломатических ведомств будет непросто объяснить, что делают при дворе наследники Севера... Возможно будут обвинения, что я удерживаю вас силой... Или что вы – самозванцы, и я таким образом хочу захватить Север... Ну и прочий бред, который будет довольно сложно опровергнуть... А я всего лишь хочу вам помочь...

– Мы невероятно благодарны вам, ваше величество, – с достоинством склоняет голову Иллария, – и совсем не желаем никаких сложностей для вас... Именно поэтому мы не хотели обнаружения, если бы не опасность, нависшая над братом из-за его... недалёковидности...

– Принцесса, давайте сейчас мы сделаем паузу, – прерывает ее Анджеер, – вы устали, перенервничали, ваш брат... требует осмотра врача, потому что, боюсь, мои люди были не особенно почтительны с ним... Вам выделяют покои здесь, во дворце, к сожалению, они не будут достойны вашего статуса, потому что тогда сразу возникнет множество вопросов... Прошу за это прощения заранее... Вы отдохнете, а, к примеру, завтра мы с вами еще раз встретимся и обговорим наши дальнейшие шаги... У ваших покоев будет выставлена охрана, чтоб никто не помешал... Этим займется мой названный брат, лорд Вулф.

Анджеер кидает на меня короткий взгляд, и я киваю.

Лица брата и сестры стоят отдельного описания, и я немного наслаждаюсь пока еще мелкой мезью.

Они отнюдь не дураки и понимают, что угодили в ловушку... Из дворца теперь выбраться они смогут только с высочайшего соизволения, то есть полностью зависят сейчас от Анджеера... И от того, что ему придет в голову с ними сделать...

Какой интересный расклад...

– И да, – продолжает Анджеер, – вы же не откажетесь бо-

лее подробно поведать мне об обстоятельствах вашего спасения?

Я смотрю на бледное лицо Иллари и усмехаюсь.

Интересно, как ты будешь рассказывать про свои способности, Лари? И про способности братишки? У вас-то в роду никаких драконов быть не должно... Да и колдовство на Севере преследуется, до сих пор, говорят, ведьм сжигают... Как тебе удалось избежать костра, принцесса?

Брат с сестрой удаляются в сопровождении компаньонки, стражи и Василька. И, если насчет стражи у меня есть сомнения, то вот от Василька наследники Севера вряд ли скроются.

Анджеер провожает их взглядом, ждет, пока закроется дверь, и разворачивается ко мне.

На лице – ни тени благодушного выражения доброго дядюшки-императора, сейчас он сосредоточен и напряжен.

– Я не буду выговаривать тебе за чуть было не упущенных наследников Севера, просто скромно надеюсь, что ты сам сделаешь выводы и такого больше не повторится.

Склоняю голову в жесте согласия. Ну что тут скажешь? Стыд и позор мне...

– Ни одна живая душа не должна узнать про них, понятно? Девчонку пристрою к матери во фрейлины, а мальчишку засунь в Академию, к Ассандру под бок.

– Планируется долгая игра? – поднимаю я бровь.

– Уже началась игра, брат мой, – кивает Анджеер, – и мы

пока что не ведем в ней... Но козыри уже имеются, теперь главное правильно их разыграть...

– Мальчишка дерзкий, – выношу свои опасения, – может не захотеть ждать...

– Сестра уговорит, – отвечает Анджеер, – она кажется умнее... И дальновиднее. С ней можно хорошо поиграть...

Меня немного царапают слова императора, в основном, потому что с этой игрушкой хочу играть я сам. И пока что в одиночестве...

– У тебя на нее серьезные планы? – решаю все же уточнить степень своей свободы по отношению к ней.

– Пока не знаю... Глаза разбегаются, – неопределенно отвечает Анджеер, – так что пусть на глазах будет. А принца Ассандр выдрессирует. Он умеет. А ты, – тут он жестко смотрит мне в глаза, давая понять, что игры закончились и начинается прямой приказ, который не отыграешь назад, – отвечаешь за них обоих, понятно? Сделай так, чтоб с них и волос не упал.

Киваю, мысленно прикидывая дальнейшие действия.

Лара будет несложно упаковать в Академию. Перенастроить Привратников, чтоб не выпускали его никуда за ее пределы... Пусть там прыгает, сколько ему вздумается, Асси с ним разберется...

А вот принцесса...

Перед глазами тут же появляется ее бледное, надменное лицо, бескровные пухлые губы, отливающие на контрасте

чернотой волосы...

Сдерживаю довольную усмешку.

Ну что, принцесса, поиграем?

Часть 2

Глава 13. Иллария, принцесса Севера

Здесь огромные пространства, анфилады на двадцать комнат, соединенные крытыми и открытыми галереями, засаженными яркой, по-южному пышной зеленью. В крытых галереях – высоченные оконные витражи, щедрый солнечный свет льется через них, разбиваясь на радужные осколки лучей. Безумно красиво. Безумно ярко. Безумно чуждо.

На Севере такие галереи, окна и витражи не встречаются. Они попросту невозможны, потому что ни одни стекла не выдержат напора ветров и толщи снега. У нас строят высокие, тесные дома, устремляющиеся ввысь пиками башен. На остроконечных крышах не задерживается снег, их легко обдувают метели. И толщина стен из камня такова, что нередко в древних кладках находили не только спрятанные там сокровища, но и мертвецов, вмурованных в середину...

Я щурюсь на яркое утреннее солнце, ласковое, нежное, но такое чужое. Оно гладит голые плечи и шею, и невольно хочется подтянуть повыше корсаж платья. Тоже непривычного. У нас такие не носят, непрактично, да и холодно... А здесь... Здесь мои развратные наряды, презентованные матушкой императрицей, смотрятся по-монашески скромны-

ми... Видела бы мама...

Поправляю легкую косынку на шее, без которой в последние несколько дней не выхожу на люди, оглядываюсь, отмечая, что в этой части дворца на редкость малоллюдно. Придворных не видно, только вдалеке слуги что-то делают у одного из витражных окон.

Я выдыхаю, надеясь поскорее преодолеть расстояние до своих покоев и досадуя на матушку императрицу, затеявшую утренний моцион именно в этом крыле дворца. Нет, сам моцион – это чудесно, конечно, свежий воздух, ранние распустившиеся бутоны сладко пахнущих цветов, травяной бодрящий напиток, приятные беседы придворных дам и кавалеров... Я даже получила удовольствие от разговора с одним из приближенных императрицы, графом Дерриком, очень вежливым, таким легким, ненавязчивым... Он говорил комплименты и мягко прикасался к моему локтю, обращая внимание на очередной изысканный цветок в оранжерее императрицы. Он был настолько галантен, что я немного расслабилась и даже поулыбалась удачным шуткам...

Так что утренний моцион прошел очень хорошо, мне понравилось... Вот только идти от дальних галерей до покоев не близко. От предложения графа сопроводить я благо- разумно отказалась, и, как теперь понимаю, правильно сделала... Быстрее преодолею расстояние, а то как-то не очень правильно оставаться с мужчиной наедине... Хотя, здесь к этому относятся проще... Наверно, это и хорошо...

Я как раз размышляю, что, возможно, решение обратиться к императору Анджееру не самое плохое, когда жесткая лапа перехватывает меня за талию и одновременно запечатывает рот.

Дыхание сбивается, сердце заходится в диком, болезненном стуке, я слепо таращу глаза в полумрак, на нападающего... И выдыхаю чуть-чуть, узнавая его.

Конечно, рано я это делаю, судя по жесткому лицу и сурово сжатым челюстям, ничего хорошего не будет впереди, но уже радуется, что это знакомый. Даже слишком знакомый. Чересчур, я бы сказала!

Мое проклятье, мой жуткий, безумный, развратный сон, Волк императора, прижимает меня к подоконнику в узкой, непонятно откуда взявшейся тут нише, держит крепко, не давая возможности пошевелиться, зажимает рот, не позволяя вырваться крику. И смотрит. Так страшно, что невольно ноги начинают подрагивать. И руки. И все внутри.

Ох, Единый, да у меня с самой нашей первой встречи все дрожит в его присутствии! И никак от этой позорной реакции не избавлюсь!

Справедливости ради стоит сказать, что он и сам этому не помогает, с каждой новой встречей погружая во все более и более глубокие слои мрака...

– Доброе утро, принцесса, – вежливо хрипит Волк, блестя разбойным, бешеным взглядом, – как моцион у матушки императрицы? Хороши ли кавалеры?

Вежливые слова вообще никак не вяжутся с ледяной интонацией и, особенно, с сумасшедшими глазами говорящего. Ну, и жесткая ладонь, переползшая с губ на горло, тоже намекает на неправильное развитие будущей беседы...

Невольно облизываю губы, ощущая на них вкус его кожи, выдыхаю, пытаюсь подобрать правильные слова и лихорадочно анализируя ситуацию.

Он видел, как я общаюсь с графом... И поэтому разозлился...

Вопроса, с какой стати Волк злится на вполне невинный разговор с приятным мужчиной, не возникает в голове, хотя и должен бы, как самый первый и логичный.

Но не в моей жизни. Не в этой ситуации.

В моей новой жизни и сегодняшней ситуации более логичен другой вопрос: как выбраться из ловушки без потерь. Пока что это не представляется возможным, слишком бешеный взгляд у Волка, слишком нервно подрагивают ноздри чувствительного носа, слишком жестко лежит ладонь на моем горле.

Он едва себя контролирует.

Он в ярости.

Он... Он сделает все, что захочет сейчас.

Он всегда это делает, животное проклятое...

С нашей первой встречи...

– Я... – надо, все же, хоть как-то защищаться. Тем более, что моей вины нет совсем! Но ему этого не объяснишь, зверю

дикому... – Я просто разговаривала...

И по довольно полыхнувшему взгляду понимаю, что по-добрала не те слова! Не ту интонацию!

Волк усмехается жутко, скользит большим пальцем по нижней губе:

– Просто разговаривала... Просто позволяла себя... трогать... А еще что позволила бы? Проводить? Почему отказала? Не понравился? Или... Договорилась о другой встрече? В другом месте?

Единый, да у нас тут заболевание во всей красе! Впрочем, ничего нового... Я давно это подозревала и сейчас только все больше и больше убеждаюсь...

– Не несите ерунды... – не выдерживаю я чудовищности и абсурдности обвинений, выпрямляюсь, некстати вспоминая, что я, вообще-то, не девка трактирная, а принцесса! И никакой Волк, даже если это Волк императора, не имеет права...

Больше я ничего не успеваю сказать, потому что Волк с тихим, жутким рыком прижимается к моим распахнутым губам жестким, подчиняющим поцелуем...

Последняя моя мысль перед падением в бездну бьется в голове умирающей бабочкой: “Нас увидят... Нам конец...”

Бессмысленно упираюсь ладонями в каменные плечи Волка, по телу проходят судороги страха и... предвкушения?

Это ужасное открытие, хорошо, что я его сделала не в это мгновение, а давно уже, чуть ли не в первую нашу ночь.

Он тогда был груб, по-животному, грязно и дико. И мне,

воспитанной правильно, в чопорной строгости двора Нордари, даже сама мысль о подобных отношениях, о том, что меня будут так касаться, должна казаться тошнотворной... Должна казаться... Но не казалась.

И сейчас, он делает со мной невероятно грубые, грязные вещи, целует так по-животному, а я, вместо отвращения, испытываю странную дрожь и возбуждение. Меня это губит, погружает на самое дно, откуда уже не выбраться.

Перестав даже пытаться показывать сопротивление, я покорно позволяю целовать себя, проникать языком в рот, сжимать несдержанно и жадно.

На самых задворках помутившегося сознания бьется надежда, что он сейчас насладится наказанием и отпустит меня, позволит дойти до покоев... Ведь день, утро даже... До этого он так не рисковал, всегда ночью приходил... Надо быть покорной, надо дать ему то, что он хочет, успокоить...

Но через пару мгновений приходит понимание, что выбранная тактика в корне неверна.

Волк не успокаивается от моей покорности, а только больше заводится!

Рычит мне в губы низко, с горловым страшным рокотом. Так в дикой природе самец призывает самку к покорности, это отдается на таком глубинном уровне, что сначала подчиняешься, потом только с ужасом понимая, что именно сделала...

В следующее мгновение взлетаю и ощущаю под собой

жесткий подоконник. Теперь мы с Волком на одном уровне, и его рукам гораздо больше простора для маневра.

В момент просветления растерянно упираюсь опять в его плечи, что-то даже шепчу, испуганно протестуя против происходящего, но Волк, как обычно, не слышит, он сдергивает с шеи косынку, довольно скалится на оставленные с ночи следы на коже и тут же обновляет их, заставляя меня задохнуться протестом и застонать жалобно. Потому что больно, все еще больно. И так ярко. Так остро!

Выгибаюсь, ударяясь затылком о витраж, закрываю глаза, не в силах смотреть в лицо своему мучителю, но тьма под веками не помогает, не позволяет спрятаться, только делает ощущения острее.

Его руки под юбкой, укусы по шее и груди, низкий рык:
– Он тебе понравился? Да? Да?

На каждое “да” – жесткий след по коже от его губ, рывок все ближе к краю подоконника, мое колено, высоко задранное, перекинутое через его руку, его пальцы внизу... Треск нижнего белья... Я уже ничего не понимаю, стыд и горячее, влажное возбуждение заполняют каждую частичку моего тела, превращая его одновременно в камень и мягкое суфле... Он не останавливается! Он... Он намеревается... Нет, нет, нет... Это же... Это же ужас... Это стыдно и жутко...

Жесткий, испытующий взгляд темных звериных глаз, грубая рука, зажимающая губы, еще один рывок... И меня выгибает от боли и остроты проникновения! Кричу в его ла-

доть, кусаю ее, ощущая металлический привкус во рту.

Волк чуть подается назад, а через мгновение опять вперед, и еще раз, и еще, закрывая по-прежнему мне рот, потому что на каждый грубый рывок я вскрикиваю, не в силах сдержаться.

– Тихо, принцесса, – хрипит он, не прекращая двигаться, – тихо... Ты же не хочешь, чтоб нас остановили?

У меня все больше мутнеет в голове, теперь уже и от вернувшегося ужаса, что нас застанут...

Моргаю, давая понять, что все осознаю, и влажная от крови рука спускается к горлу, зажимает, контролируя каждый вздох. Ему нравится так делать, нравится держать, понимать, что от него зависит каждый миг моей жизни. Он – проклятый зверь, у него только животное на первом плане... И у меня сейчас тоже. Он заразил меня этим, испортил...

И теперь я, вместе с уместным и правильным стыдом и ужасом от происходящего, получаю неуместное и неправильное удовольствие... Его не должна испытывать честная девушка, принцесса... Но ему плевать на то, что я должна или не должна. Ему хочется, и все остальное не имеет значения... Проклятый Волк...

Взгляд его бешеный, бездонный, руки сильные, грубые, животные движения во мне, искривленные в надменной усмешке губы... Это все должно отвращать, а не привлекать!

Почему привлекает?

Почему горю так, что все внутри плавится, течет? И он

это чувствует, понимает, что опять победил, опять выиграл сражение. Именно поэтому насмешливое снисхождение на губах, именно поэтому жуть и морок в глазах...

Я не в силах больше смотреть на него, стыдно и страшно от своих чувств из-за происходящего, потому бессильно упираюсь лбом в каменную грудь, покорно выгибаясь так, как ему нравится. Волк ощущает мою капитуляцию, довольно рыкает, ускоряясь, все сильнее двигаясь во мне, все грубее вбиваясь, все жарче дыша в шею. Он огромный, тяжелый такой, одним движением сломать может. Но держит, бережно, не больно уже, ладони скользят по голым бедрам, сжимают, оставляя синяки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.